

МОСКВА

Наука и культура в зеркале веков

**ВСЕ
ТАЙНЫ
СТОЛИЦЫ**

Все тайны истории

**Москва. Наука и культура в
зеркале веков. Все тайны столицы**

«Издательство АСТ»

2014

Москва. Наука и культура в зеркале веков. Все тайны столицы /
«Издательство АСТ», 2014 — (Все тайны истории)

ISBN 978-5-17-080060-5

За свою долгую историю Москва прошла путь от небольшого укрепленного поселения на берегу Москвы-реки до мегаполиса. Эта книга расскажет о:

- развитии научной и технической мысли в Москве;
- истории ее застройки и планировки;
- освещении и водоснабжении;
- бережении от пожаров;
- телеграфе и телефоне;
- формировании транспортной сети;
- научно-технических музеях и музеях-квартирах ученых.

Издание восполняет пробел, возникший за долгие годы отсутствия увлекательной и достоверной информации о многих сторонах жизни такого огромного города, как Москва.

ISBN 978-5-17-080060-5

, 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Вступительная статья	6
Градостроительство	15
Археология	21
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Составитель О.А. Зиновьева
Москва. Наука и культура в
зеркале веков. Все тайны столицы

Авторский коллектив:

*Баранова С.И., Беляев Л.А., Зиновьева О.А. (составитель), Иофис М.А., Конохова Е.В.,
Озерова Н.А., Попова Л.В., Потапова Н.В., Рогачков Н.Б., Тархов С.А., Терентьев С.А., Цукор
В.Д.*

Вступительная статья

Книга «Московскими дорогами изобретений и открытий» объединила специалистов в разных областях, ученых, профессоров, скульпторов, директоров профильных научно-технических музеев, увлеченных исследователей различных областей науки и культуры. Словом, людей беспокойных и творческих. Наша книга призвана восполнить пробел, возникший за долгие годы отсутствия увлекательной и достоверной информации о многих сторонах жизни такого огромного города, как Москва. Еще в 1950 г. вышел капитальный труд Н.И. Фальковского «Москва в истории техники»¹, ставший теперь библиографической редкостью. Нам захотелось поразмышлять о том, какой путь прошли технические и научные решения московского городского пространства, присутствующие в мегаполисе и сегодня. Современный город живет современными технологиями, но здесь есть место и традиционным, историческим подходам. Если в книге Фальковского много внимания уделялось фортификационным сооружениям и оружейным технологиям, то в нашей основной акцент сделан на развитии мирной научной и технической мысли, хотя, по правде сказать, часто рассматриваются и военные темы. Спору нет, и телефон и телеграф не всегда служат мирным целям. И еще для нас важна роль ученого и инженера в городском культурном пространстве, какое влияние ученый оказывает на нас, жителей, как мы помним тех, кто служил городу своим талантом, вложил свою душу в городские постройки, инфраструктуру, научно-технические и образовательные учреждения, выставки и музеи.

Можно порассуждать и о технических изобретениях и инновациях в городской среде. Современный человек, к примеру, легко представит себе «умный дом», напичканный smart-устройствами, обеспечивающими сбережение воды, энергии, включающими и выключающими кондиционеры и холодильники, пылесосы и печки. Слов «смарт» активно переключалось в рекламу: недавно видела вывеску «смарт-сауна». Плюс всевозможные нанотехнологии, легко висящие мосты, тоннели под водой и в скалах, облик зданий сродни виртуальным интернет-образам.

Все это так, но для меня инновациями было и остается все то, что на каком-то этапе меняло жизнь человека. Первые неолитические поселения с первыми единообразными жилищами были прорывной технологией для своего времени. Не случайно возникла концепция «неолитической революции», что связано с возникновением оседлости и изобретений, необходимых для этого. Древних поселений на территории Москвы и ближайшего урбанизированного Подмосковья немало: Строгино, Митино, Красногорск, Акатово на Пехре, более 50 древнейших памятников истории, древнекаменного, каменного и последующих веков вплоть до раннеславянских поселений вятичей: и горшки, и котлы, и иглы, и первые деревянные срубы, и гвоздь, забитый в стену.

Мы амбициозны и считаем наше время особенно инновационным, но появление первых поселений и далее городищ было связано с куда большей изобретательностью наших далеких предков. Поэтому для меня так важно мнение о сущности и истории развития археологии, которую высказал Леонид Сергеевич Беляев в канве нашей книги.

Кроме того, археология – это важнейшая основа не только для изучения Москвы, но и для ее настоящего и будущего. Для современного города это не просто история, которую можно потрогать, это серьезный политический и экономический инструмент. Историей увлекаются многие, есть мнение, что в этом выражается бессознательное желание нашего быстро летящего времени уцепиться за свои корни, остановиться, понять, что происходит. Финансирование и разрешения на раскопки, а также то, как они сохраняются, консервируются или закрыва-

¹ Н.И. Фальковский. Москва в истории техники. М., Московский рабочий, 1950.

ются, вопрос для города не простой, связанный с политическим курсом, сообществом ученых и жителей. Археологические исследования часто вступают в противоречие с теми, кто на их месте что-то хочет построить или проложить. С другой стороны, археологический музей или площадка являются притягательными объектами для туристической и экскурсионной индустрии, такой популярной сегодня. Современная археология является требовательным потребителем научных методов, основанных на химии, физике, спектральном и рентгеновском анализе, по сути, это междисциплинарная дисциплина, поддерживающая разные области науки.

За свою долгую историю на пути к мегаполису Москва вобрала в себя поселения на Боровицком холме, вдоль Москвы-реки, Яузы, Неглинной и многих других рек и речушек, которые теперь спрятались в трубах, что само по себе требует большого внимания со стороны специалистов. Надежда Андреевна Озерова размышляет о водных путях и артериях, которые способствовали становлению и росту города, а также превращению сухопутной Москвы в «порт пяти морей». Вода – один из самых ценных природных ресурсов, без которого нет ни жизни, ни производства. Вопросы сохранения этого богатства в полном объеме и чистоте задача не из легких. Да и путь воды из реки или колодца в каждую квартиру не был коротким – более восьми веков.

Теперь город представляет собой сложный конгломерат с радиально-кольцевой планировкой, которая была продиктована средневековыми крепостями – кольцами и полукольцами. Это к вопросу о влиянии войны и военных технологий разных эпох на современное урбанистическое пространство... Сюда следует добавить плацдармы-площади, военные бараки, военные ведомства, военные научно-исследовательские институты и заводы.

Так вот. Крепости исчезли, а кольцевые магистрали, разделяющие город на определенные зоны, остались. Даже Московская кольцевая автомобильная дорога, долгое время бывшая границей города, прошла по кругу. Движение по ней было открыто в 1962 г. Неоднократно к городу добавлялись какие-то территории, карманы, ниши с московской пропиской, происходили некоторые «выпучивания», но потом все сравнивалось и становилось похожим на ровный срез старого дерева. Тем более странным кажется присоединение Новой Москвы из уже вполне урбанизированного предместья. Оно тоже по большому счету имеет кольцевую динамику. Не следует ли вновь обратиться к планам 1920-х гг., а особенно к очень разумной и технически обоснованной идее профессора Бориса Сакулина (1878–1952), выпускника Константиновского межевого института, члена Общества испытания строительных материалов и Общества межевых инженеров, который создал «План экономического и технического развития» (1918), разрабатывая «Город будущего» с большими и малыми кольцами, разделенными зелеными полосами.

Древние, исчезнувшие стены задают движение транспортных потоков, облик городской застройки и многое другое. Кремль возвышается гордой политической и культурной цитаделью, а от Китай-города, например, сохранились отдельные фрагменты и забавные реконструкции.

Каждое строительное предприятие, разрушение или реконструкция имеют как практические цели, так и большую смысловую коммуникационную нагрузку. Так новый краснокирпичный Кремль Ивана III 1485–1495 гг. важен был как уникальное фортификационное сооружение и как символ нового сильного государства на востоке Европы. Василий Баженов в 1780-е гг. разобрал почти всю южную стену Кремля вместе с древними башнями для возведения своего идеалистического «Форума великой империи», грандиозного общественного центра, но на самом деле дворца, к которому должны были сходить все улицы Москвы. Некий символический жест: «открытие пространства изолированного Кремля», хотя он и был вполне доступен для желающих. Для Екатерины II это был «показушный» жест, не имевший под собой достаточного финансового обеспечения. Проект этот воплощен не был, а разрушенные стены и башни были построены заново в несколько этапов в разные эпохи, но в духе историзмов. Но

эту часть Кремля мы воспринимаем как часть единой средневековой крепости. Также через историческую призму мы смотрим на реконструированные Никольскую и Арсенальные башни, которым не повезло в 1812 г. во время нашествия Наполеона и в дни октябрьских боев 1917 г.

Иное, вполне коммерческое назначение имеют реконструкции башен Китай-города в Театральном проезде, где образовался большой кластер ресторанов. Китай-город, возведенный Петроком Малым Фрязиным при Елене Глинской, первой женщине-правительнице Великого Московского княжества в малолетство Ивана IV в 1534–1538 гг., был выдающимся инженерным сооружением, стены и башни которого прошли по краю топкого берега Неглинки, протянулись вдоль Москвы-реки, охватив быстро растущий посад. Но судьба их во время строительных бумов оказалась не очень благополучной. Различные градостроительные планы откусывали от него то стены, то башни, проламывали и проделывали новые проходы, как, например, Третьяковский проезд (1891), проложенный архитектором Александром Степановичем Каминским при финансовой поддержке братьев Третьяковых. Последний удар нанесла сталинская эпоха, когда в 1934 г. были разобраны почти все ее фрагменты. Небольшой кусок можно увидеть за гранд-отелем «Метрополь»; после завершения строительства гостиницы «Россия» в 1967 г. был возведен краснокирпичный забор с арками для прикрытия задков и двора гостиницы, который теперь вполне воспринимается как часть средневековой крепости. Название Китай-города, как и его отдельных фрагментов, особенно башен и ворот, сохраняется в топонимике горда: Китайгородский проезд, Ильинская площадь, метро «Китай-город», где еще живо белокаменное основание Варварской башни. Даже табличка весит.

В XVI в. город шагал трижды: стенами Китай-города, Белого и Земляного городов. Каждое окружье гордо звалось городом, для каждого жителя это была своя идентичность, ассоциация с местностью, привязка к унаследованному статусу, земле или ремеслу.

Белый город, возведенный при Иване Грозном в 1586–1593 гг. мастером с говорящим именем Федор Конь, при Екатерине II превратился в полукольцо московских бульваров, которое гордо именуется Бульварным кольцом. Их теперь десять: Яузский, Покровский, Чистопрудный, Сretenский, Рождественский, Петровский, Страстной, Тверской, Никитский, Гоголевский, Пречистенский, и стыкуются они на площадях, в местах нахождения ворот. Точки притяжения, формирования транспортного или публичного пространств остаются все теми же.

Садовое кольцо представляет собой настоящий круг на месте фортификационного проекта 1591–1592 гг., который был воплощен при царе Федоре, хотя всеми делами при дворе заправлял Борис Годунов, удачливый премьер, но неудачливый царь. Деревянные стены и башни, как каменные, так и деревянные, пострадали во время пожара 1812 г. После этого перед вновь построенными домами возникли сады и три бульвара – Новинский, Смоленский, Зубовский. Бульвары и сады исчезли в сталинскую эпоху, а деревья вдоль тротуаров продолжают гибнуть, не выдерживая техногенного давления транспортного потока. А хотелось бы видеть больше надежного общественного транспорта, о котором тоже речь пойдет в этой книге, а также велосипедных и пешеходных дорожек под сенью высоких и здоровых деревьев.

Еще одно кольцо – Камер-Коллежский вал периметром в 37 км был утвержден как граница Москвы в 1742 г.

Почти кольцевой, с некоторым отклонением на северо-западе, была и остается железная дорога, протяженностью в 54 км, проложенная по проекту архитектора П.И. Рашевского в 1903–1908 гг. Она перевозила пассажиров и грузы. Элегантные станции, как деревянные так и каменные, с билетными кассами и залами ожидания, которые отапливались голландскими и русскими печками, имели электрическое освещение и часы фирмы «Павел Буре». Увы, многие из этих построек исчезли. Мне пришлось с грустью наблюдать, как одно деревянное сооружение было сначала огорожено, долго стояло за забором, а потом однажды ночью по-тихому уничтожено вблизи путепровода на шоссе Энтузиастов при строительстве развязки с новым кольцом в 2012 г. Сейчас здесь осуществляются только грузовые перевозки, но есть вялотеку-

щие проекты по запуску электричек к 2020 г. Почти до конца Второй мировой войны Москва оставалась в границах этой Окружной дороги.

Третье транспортное кольцо, которое прошло между МКАДом и Садовым кольцом, ассоциируется с перестройкой и «лужковским стилем», но на самом деле оно было в Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 г. и называлось Новое Бульварное, в 1939 г. эта трасса была вынесена и закреплена на местности.

Между кольцевыми трассами проходят радиальные магистрали, которые в ходе истории многократно спрямляли и расширяли, но с современной автомобилизацией они справиться не могут. Это бывшие дороги, которые выходили из ворот крепостных сооружений и шли в разных, важных для путников направлениях. В центре города сохраняется уютная путаница мелких улиц, переулков и тупичков, а в новых районах к жилым кварталам, которые часто носят названия древних деревень, на месте которых они стоят, ведут свои собственные дороги и проезды.

В Москве неоднократно проводились реконструкции и перепланировки. Хотя даже строительство Московского Кремля, которое началось с закладки Успенского собора Аристотелем Фиораванти в 1475 г., можно назвать своего рода генеральной реконструкцией. Объем выполненных работ вполне впечатляющ даже для нашего времени – соборы, Грановитая палата, стены и башни. Возведение стен с башнями в XVI в., о которых говорилось выше, хотя и следовало рельефу местности и установившейся планировке улиц, но и изменяло ее.

С грустной иронией можно сказать, что главным инноватором в реконструкции города в Средние века и в 1812 г. был пожар, когда терялись границы владений, улиц и домов. Все строилось заново. (Пожарам и борьбе с ними посвящена глава Николая Борисовича Рогачкова.)

К первым попыткам осуществить некий комплексный градостроительный подход следует отнести городские планы, созданные князем Дмитрием Васильевичем Ухтомским (1719–1774), которого можно назвать первым главным архитектором Москвы. Его творческая деятельность пришлось на правление Елизаветы Петровны. Хотя справедливости ради следует отметить, что и отец Елизаветы, Петр Великий, пытался комплексно отстраивать Немецкую слободу и Лефортово, где предполагалось сделать новый центр с регулярной планировкой улиц, но новая столица быстро отвлекла его внимание.

Для эпохи абсолютизма характерна жесткая иерархическая вертикаль власти с недостижимостью монарха, его святостью и подчиненностью только божественному закону. Монарх становится единственным источником права для своих подданных, в его руках сосредотачиваются основные денежные средства, недвижимость и военная мощь. Для поддержания такой властной социально-политической схемы формируются иерархия моделей поведения, структуры двора, формы искусства. Стандартизация и иерархия коснулись и архитектуры, и главное – градостроительства. При Екатерине II это выразилось в создании иерархических и образцовых планов для всех городов России в зависимости от их статуса – губернского или уездного, величии дворцовых и ансамблевых построек, говорящего декора и скульптуры, которые в особой зашифрованной символической форме прославляли власть монарха. Комиссия от строений, возникшая в 1762 г. под руководством Ивана Ивановича Бецкого (1704–1795), разрабатывала такие идеальные планы. В этот период исчезли средневековые стены Белого города, появились первые бульвары, некоторые улицы были расширены и спрямлены для движения колесного транспорта и проведения шествий и парадов, которыми всегда славились эпохи абсолютной власти. Возникла ансамблевая застройка улиц со стандартным подходом и рекомендованным выбором строений, декора и цвета для частных владельцев. Средневековый город с узкими улицами, ориентированными на природный рельеф и погодные условия с разнообразием форм и цветовых решений в красном кирпиче с яркой керамикой, причудливыми резными наличниками, вытесняется отштукатуренными домами с белыми колоннами. Об этом

и о том, как и почему менялась мода на кирпич и изразец, подробно и увлекательно пишет Светлана Измайловна Баранова в главе, посвященной строительным материалам.

В XVIII в. источником вдохновения и подражания становятся Древняя Греция и Древний Рим, создается некая утопическая идеализированная среда, где власть выдвигает стандарты в строительстве, образовании, воспитании молодежи и поведении.

Чем выше становятся здания, тем сложнее становятся расчеты, в XIX в. появляются паровые машины, паровое отопление, железные дороги, электричество, телефон, телеграф и многое другое. Город уже не может жить без серьезной научной и инженерной мысли. Вырастают многоэтажные дома, где требуются водопровод и канализация, лифты и освещение, а главное – устойчивая конструкция. Архитекторы сотрудничают с инженерами во всем – при строительстве мостов и промышленных предприятий, вокзалов и электростанций. Огромным зданиям не хватает места, и они начинают строиться в поймах многочисленных рек и ручейков Москвы. Так в фундаменте гранд-отеля «Метрополь» проводятся специальные трубы для речки Неглинной.

Диктатура сталинской эпохи использовала тот же ансамблевый подход в сочетании с решением насущных задач инфраструктуры, транспорта, строительством правительственных и жилых зданий с пропагандой своей идеологии в виде самих грандиозных сооружений в классическом стиле, пышном декоре и памятниках, одновременно подражая сооружениям минувшего классицизма и уничтожая их. Генеральный план развития Москвы 1935 г. не имел и не имеет себе равных, когда за короткий срок были расширены все основные магистрали, получившие ансамблевую застройку, построено около 50 км Московского метрополитена с 50 станциями-дворцами, проложен канал Москва – Волга, Москва-река и Яуза получили гранитные набережные и 11 мостов, была открыта Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, проектировались и строились университеты, школы, больницы, заводы и магазины. Этот план и его переработанный послевоенный вариант с семью высотками во многом определяет облик Москвы и сегодня.

Чем выше становятся сооружения, тем больше становится проектный коллектив из нескольких архитекторов и многочисленных специалистов разного профиля по конструкциям и строительным материалам, электрической части, водоснабжению и забору сточных вод. Имена инженеров и ученых становятся значимыми, их указывают в путеводителях и краеведческой литературе.

Город быстро рос ввысь после Великой Отечественной войны. В газетах и журналах писали, что строятся первые восемь высоток, хотя их в результате возвели только семь и больше к этому вопросу не возвращались. Самым большим и сложным с инженерной точки зрения стал Московский университет им. М.В. Ломоносова – дворец или храм науки в 32 этажа на бровке высокого берега Москвы-реки, который зовется Воробьевыми горами.

В 1960—1970-е гг. таких высоток в Москве не строили, зато появилось много комплексов в 25 этажей, таких как здания Нового Арбата.

В правление Никиты Сергеевича Хрущева и Леонида Ильича Брежнева продолжается поступательное исполнение идей Генерального плана 1935 г., создаются и новые подходы во время бурного индустриального развития города. Москва шагнула далеко, достигнув МКАД. Теперь мы вспоминаем зонирование тех лет с некой ностальгией. Да, мы ругаем пятиэтажки, нам не нравится однообразие спальных кварталов, но тогда в каждом жилом районе создавались рабочие места, возводились культурные центры, строились школы и поликлиники, формировались или сохранялись парки и сады. Об этом очень хорошо рассказывает Григорий Исаакович Ревзин в своем интервью журналистке Елене Владимировне Коноховой, которое читатель найдет в этой книге.

«Перестройка» навалилась на город с недостаточной готовностью понять, что такое демократия и свобода, и связанными с этими понятиями ответственностью. С одной стороны, в

городе наблюдается культурный бум, строятся новые театры, университетские здания, школы, а с другой стороны – ведется огульная застройка коммерческими офисными и жилыми комплексами без учета исторического ландшафта, природного и культурного наследия.

В 1990-е гг. крупные банки и корпорации, соревнуясь между собой и с зарубежными гигантами, построили для себя административные комплексы Газпрома, Сбербанк на Тульской, многофункциональные жилые комплексы на Можайском шоссе, Зоологической улице, «Алые паруса», «Легенда Цветного» и многие другие.

Разговоры в прессе и блогах не утихают по поводу того, нужны ли Москве небоскребы и подходит ли ее грунт и исторический ландшафт для экспериментов в 35–40 этажей. Дискуссии продолжаются, а строительство зданий более 40 этажей ведется. При этом действующие федеральные и московские нормативные документы на проектирование жилых зданий распространяются на жилые здания только до 25 этажей включительно. А это сложный комплекс документов, которые включают в себя инженерные системы с учетом геологических и метеоусловий, особенности противопожарной защиты.

Одно из самых сложных по конструкции строений – «Москва-Сити», уходящий ввысь и на несколько этажей вглубь. Этот современный квартал в стиле глобального постмодернизма в виде стеклянных башен-сосулк возводится как деловой квартал на Пресненской набережной. Именно он более всего зависит от правильных инженерных решений, материалов и коммуникаций. Идея квартала была предложена архитектором Борисом Тхором тогдашнему мэру Юрию Лужкову в 1992 г. Идея была поддержана, и строительство началось.

В подземной части квартала находится огромная автостоянка на 2750 машин, пересадочный узел метрополитена со станцией «Выставочная». Здесь же предполагается проложить скоростной путь к аэропортам. Конечно, в соответствии с привычками общества потребления здесь раскинулся торговый комплекс: он сам сетевой, как и все торговые и ресторанные или кофейные бренды. Глобализация выравнивает мировое пространство, устанавливая одинаковый климат, одни и те же магазины, рестораны, офисы. Все это привычно для трансатлантических компаний, путешествующих туристов и бизнесменов. Однако свои бизнесы, кухня, стили вытесняются щупальцами этих сетевых спрутов.

Наземная зона «Сити» частично функционирует, частично строится, пережив много проблем, в том числе и пожары. Здесь офисные здания, гостиничный и развлекательный комплексы, предполагается разместить апартаменты, рестораны и зимние сады, удобные парковки. Но это все впереди.

Как мы замечаем, урбанизация развивается ввысь, вширь и вглубь. Подземные сооружения прокладывались истари, многие превратились в легенды, как хранилища Аристотеля Фиораванти и сама библиотека, привезенная Софье Палеолог, или неведомые кремлевские проходы. В реальной жизни московские подземелья, тоннели, путепроводы и станции метро являются одновременно и гордостью и проблемами для строителей и коммунальщиков, жителей и архитекторов. Есть такая ставшая редкой специальность, как геоинженер, именно эти специалисты предупреждают о возможных пустотах, обвалах или изучают возникшие провалы. Таким крупным специалистом является Михаил Абрамович Иофис, и его глава посвящена подземным сооружениям, как древним, так и современным.

Современная Москва постиндустриальной информационной эпохи, как и многие другие мегаполисы, интересуется собой, своим развитием, о городе пишут социологи и политики, историки и архитекторы, искусствоведы и экологи, экономисты и психологи.

Поэтому нашу книгу мы решили начать с общего представления о современном городе, которое высказывает Григорий Исаакович Ревзин.

Московский Кремль появился в очень удобном месте, это был естественный выбор наших предков: водные преграды и одновременно водные дороги с двух сторон, высокий холм, кругом леса, полные зверья, ягод и грибов. С развитием города появляются его первые карты.

Урбанизация, как это ни печально, представляет собой наступление на природу. Ирония заключается в том, что городской житель всегда ностальгирует по зеленой травке, развесистым дубам и соловьиным трелям. В городе возникает хрупкий баланс творений природных и рукотворных. Человек наступает, а природа приспосабливается. В последнее время стали больше уделять внимания сохранению биоразнообразия в городе и не просто на клумбах, в клетках или аквариумах, а в парках, приближенных к естественным. О том, как развивалась экологическая мысль и как в городе чувствуют себя его дикие обитатели, рассказывают сотрудники Музея землеведения МГУ им. М.В. Ломоносова во главе со своим директором Андреем Владимировичем Смуровым.

Наталья Владимировна Потапова ведет рассказ еще об одном важном московском ресурсе – это освещение. Как освещались в древности, боясь возгораний и предпринимая все меры предосторожности, как работало газовое освещение и какие этапы прошло и проходит электрическое освещение столицы, которая теперь покоряет своим вечерним нарядом. Хотя наши экологи говорят, что для ночных животных это не самая комфортная среда обитания.

Коммуникации внутри города и ее связь с другими городами осуществлялась и осуществляется разными способами, в основе которых лежат великие изобретения российских и зарубежных ученых. Увлекательная история становления телеграфа и телефона отображена в рассказе Владимира Дмитриевича Цукора.

XXI век заявил о себе как об информационной эпохе – то есть это предполагает накопление, осмысление и распространение данных в виде текстов, изображений, видео, звука на разных носителях, по различным каналам или в разных формах физических и виртуальных хранилищ. Телеграф, телефон, радио и телевидение получили совсем иное осмысление и решения, часто подвергаясь конвергенции через веб-технологии, они стали доступными почти в любом уголке города благодаря мобильным устройствам. Интернет изменил взаимодействие, взаимоотношения между людьми, давая им возможность ежеминутно общаться, получать видео- и фотоизображения, создавать интернет-сообщества, объединяться по интересам, протестовать, соглашаться или не соглашаться с политикой государства. Государственные структуры выходят на диалог с гражданами, прибегая к веб-технологиям.

Огромным облаком Интернет накрыл Землю, отразив ландшафты и карты, сделав Москву открытой и доступной мировому сообществу. В городской среде возникает такое новое понятие, как софт-коммуникации, которые объединяют виртуальный мир с реальным. Софт-коммуникации – это мягкое передвижение в пространстве пешком, на велосипеде, роликах или с помощью мобильных устройств связи, которые ведут вас по карте города, меняют ваш маршрут, находят друзей и любимых, интересные объекты и нужные вам товары. Ненужные тоже навязывают.

Современность сложно себе представить без мобильного телефона, компьютера или iPad. С мобильных устройств звонят на телевизионные передачи, а телевизионные или радиопередачи можно смотреть и слушать на мобильных устройствах. Удивительно то, что жив и такой бумажный носитель информации, как телеграмма. Ей отведена определенная роль в правовых структурах, но ее также легко послать с мобильного устройства или из Интернета.

XXI век все куда-то спешит, преодолевая пространства, смешивая единицы измерения времени и расстояний. А далеко ли до Коломенского? Да, всего минут 20 на метро. И ни слова о километрах. О них забыли, они нужны только специалистам по прокладке дорог или коммуникационных линий. Разговор о пробках и транспорте в Москве стал таким же брендом, как разговор о погоде в Англии. Город превратился в одну сплошную пробку или парковку для всех машин сразу. Движение застыло, но автомобилист не спешит пересаживаться на общественный транспорт, у которого, однако, своя история и своя гордость. С историей и современностью транспорта нас знакомит Сергей Анатольевич Тархов.

Транспортная система Москвы, которая так же сложна, как и перепутье улиц города, включает в себя трамваи и троллейбусы, автобусы и метро, электрички и такси. В статье Сергея Анатольевича Тархова рассматривается история ее формирования.

Для меня, урбаниста, транспорт имеет большое социальное значение, его надежность, безопасность, доступность, внешний вид, климат-контроль влияют на то, как им люди пользуются, предпочитают ли его личному транспорту, не боятся ли пользоваться в позднее время, как это имеет место в ряде крупных городов мира. Транспорт имеет большую идеологическую нагрузку, и не случайно Московское метро было превращено Сталиным в огромную агитационную площадку. Сейчас транспорт – это территория рекламы продуктов и услуг, хотя следует отметить и позитивный аспект – социальная реклама тоже здесь имеет место. Если предложить тему социальной значимости транспорта, то это возможность создания рабочих мест в мегаполисе, что для постиндустриального города, где закрылись все производства на внешний рынок, очень актуально.

В городской суеде мы часто забываем о роли ученого, но его окружение, ученики, соратники, последователи, к счастью, находят силы и ресурсы напоминать нам о замечательных людях, которые работали и жили в Москве. Им редко ставят памятники, по сравнению с политиками и военными героями, но есть мемориальные доски, иногда совсем простые, иногда художественные, выполненные с большим вкусом. Терентьев Сергей Александрович делится своими мыслями о том, как сохраняется память об ученых и инженерах.

А еще память об ученом хранится в музее, им созданном, или в мемориальной квартире, если удачно сложились обстоятельства и квартира стала музеем. О том, какие научно-технические музеи родились и живут в Москве, как они собирались, как выживали в сложные периоды нехватки денег, революций или перестройки, я расскажу вам сама. Эта тема меня очень увлекла, собственно, с нее все и начиналось.

Мой дед Леонид Иванович Зиновьев, вернувшись с фронта Первой мировой войны, где он служил связистом, поступил на работу в Московский телеграф, который располагался у Мясницких ворот. Там уже работали его брат и сестра. Леонид Иванович принимал самое активное участие в издании журнала «Пролетарий связи», писал статьи и очерки, делал фотографии. Он умер очень молодым, когда моему папе Зиновьеву Андрею Леонидовичу, будущему профессору радиотехники Московского энергетического института, было всего 6 лет. Образ молодого отца, который допоздна что-то писал, склонившись под зеленой лампой, навсегда остался в памяти его сына, который прожил долгую и полную событий жизнь, воевал, работал, создал семью. Мне удалось сделать копии статей деда и преподнести их его восьмидесятилетнему сыну, который никогда их не видел и принял со слезами на глазах. Это были прекрасно написанные очерки о строительстве нового Телеграфа на Тверской, об инженере Владимире Григорьевиче Шухове, который, видимо, был для него образцом для подражания и которому мой хороший знакомый Салават Александрович Щербаков создал прекрасный памятник. Дед писал свои истории и подписывал их разными именами: Лео, Зиновьев, Сочувствующий и т. д. Подозреваю, что редакционный состав был невелик, и авторы таким образом старались завуалировать это обстоятельство. В семейном альбоме сохранились фотографии деда, которые я послала директору Музея истории телеграфа. Владимир Дмитриевич Цукор мгновенно ответил длинным письмом с подробным описанием каждого устройства на столе, стене и под столом. Сказал, что дед «простым» телеграфистом не был, просто позирует за телеграфным аппаратом, возможно, пришел его проверить или что-то разяснить. Мне еще предстоит разобраться с тем, чем же занимался дед, знаю, что он ездил в Финляндию закупать оборудование для нового здания. Придя в Музей телеграфа, я, человек сугубо гуманитарный и в технике совсем не разбирающийся, поймала себя на мысли, что увлеклась рассказами Владимира Дмитриевича и гляжу на старинные устройства как на произведения искусства. А уж как приятно было прикоснуться к приборам, которые были видны на нашей старинной семейной фото-

графии. В этот момент мне очень захотелось написать о тех, кто создавал коллекции, бережно хранил их и водил необыкновенные творческие экскурсии.

Так постепенно собрался авторский коллектив книги, которую вы держите в руках. Мы хотели осветить ключевые моменты в развитии научной технической мысли в Москве, приурочив выход книги к ежегодному Всероссийскому фестивалю науки, где я работаю, приглашая к участию крупных зарубежных ученых и просветителей.

В конце мне хочется поблагодарить всех авторов, которые не отказались принять участие в этой сложной задумке нашли время рассказать о самом интересном.

С большой благодарностью и удовольствием хочу отметить взаимодействие с Ольгой Владимировной Сухаревой и Ольгой Владимировной Климовой, которые в сложных полевых условиях во время переезда «Издательства АСТ» нас не потеряли, но наоборот, поддержали, подготовили все тексты, задали нам нужные вопросы, проверили всю информацию, словом, отредактировали и подготовили то, что теперь мы можем назвать книгой, и очень красивой книгой. Хочется сказать спасибо художникам, верстальщикам и всем тем людям, которые ступили вместе с нами на дорогу Московских изобретений и открытий.

О.А. Зиновьева

Градостроительство

Григорий Исаакович Ревзин, один из самых влиятельных российских архитектурных критиков, отвечает на вопросы Елены Коноховой, журналистки, выпускницы журфака МГУ.

Спонтанность, творчество или научный подход: осуществленные и неосуществленные градостроительные планы Москвы.

– Григорий Исаакович, тема нашего разговора будет «Осмысленное развитие Москвы». Если обратиться к истории города – какими были его первые градостроительные принципы?

– Рассказывать всю историю Москвы было бы несколько опрометчиво. Будем считать, что у нас есть некое органическое развитие города, свои законы. Естественно, что первоначальное развитие соответствовало логике средневековой крепости. Это довольно тривиальная логика: деревянный Кремль, каменный Кремль, посад, выбросы новых территорий в разные стороны, потом слободы. Далее следует довольно странный эпизод деления самого города на земщину и опричнину. По мнению Ахматулина, именно Арбат, Пречистенка, Воздвиженка, когда они вошли в опричнину, задали развитие города на очень долгий срок. Потому что до сих пор Новый Арбат входит как такая опричнина в город, как вставная челюсть.

Если как-то регулируется развитие города в XIX веке, то это не совсем градостроительное регулирование. Есть просто городское хозяйство, которым занимается служба генерал-губернатора. Прежде всего они упорядочивают пожарную защиту, водопровод, снабжение; выдают разрешения на застройку по образцовым проектам. Надо понимать, что в этот момент город маленький, в нем серьезной градостроительной работы не требуется.

Я бы все-таки в большей степени концентрировался на том, что с нами происходило после революции, по причинам того, что с 17-го года по сегодняшний день город по территории вырос в 10 раз и по населению в 15 раз (до революции население было меньше миллиона). Территории от Садового кольца до сегодняшнего МКАД и есть этот рост. Такой мощный рост городов совсем не европейское свойство Москвы. В этом смысле Москва больше похожа на азиатские города, такие трансформации пережили Каир, Дели.

– А как же Париж?

– Нет такого в Париже. Это административная история, когда парижский район включен в территорию Большого Парижа. Но это не значит, что он был построен. Мы же именно построили новую Москву: все сталинские районы, сравнительно небольшие, а потом гигантские хрущевские и брежневские, и дальше. Это не органически развивающийся город, вернее, развитие в нем в десять раз быстрее и по притоку населения, и по уровню решаемых проблем. При этом мне представляется, что в Москве идет не просто смена команд, которые занимаются городом, а большая смена парадигм. Первые градостроительные планы Москвы – это соревнование двух команд – классиков и представителей авангарда. Когда Жолтовский делает первый план Большой Москвы, это по сути ансамблевая логика и смысл состоит в том, что если Москва столица, то она должна по уровню своего представительства быть сопоставима с Петербургом. Там очень простые цели: система организации площадей вокруг Кремля, таких торжественных перспектив города – это реализовано. Тем не менее это художественная логика упорядочивания города. Противоположная логика – авангардная, тоже 20-х годов. Они пытались это «занаучить», получилась своеобразная наука, представляющая собой некую футурологию. Сразу приходит на ум знаменитая парабола Ладовского. Главным для архитектуры русского авангарда была идея полета: здания не должны были касаться земли, этажи летают, ленточные окна. Каждая постройка – это немножко летательный аппарат, который парит над землей. Но поскольку градостроительно полететь достаточно тяжело, он на карте полетел. И тем не менее по смыслу это такой выброс, почти как из пушки мы рисуем траекторию полета, в сторону

Петербурга. И по замыслу здесь очень сильная трансформация: из центрического город становится линейным, в нем появляется так называемый линейный центр. Не то чтобы это совсем нигде не реализовано (в Москве это не реализовано), но Париж, например, пытались развивать по этой логике – вдоль одной трассы, которая куда-то выстреливает. Это логика авангардной формы.

Корбюзье пытался предложить «план Вуазен» (проект радикальной реконструкции Парижа), а потом, соответственно, план для Москвы, исходя из того, как в принципе город должен идеально развиваться. Он предлагал все сносить, кроме Кремля, и оставлять пустое место для машин и для передвижения. Вернее, с его точки зрения, это не было для передвижения – он хотел создавать здоровое пространство, где должны были быть зеленые массивы. Он думал об экологии. В Москве это реализовалось в новых районах. И так, например, был построен Берлин. Тем не менее это не логика научного расчета, а логика авангардного видения.

Таким образом, мы видим соревнование двух подходов – ансамблевого и авангардного, в рамках которых работают разные группы художников. Но с точки зрения парадигмальных вещей это вообще один подход, когда художник, основываясь на своем чувстве формы, строит некие модели развития города.

– Разные группы архитекторов предлагают свои проекты развития города. А что же реально в этот момент происходит с Москвой?

– В реальности мы получаем индустриальный город. Это принципиально новый этап в развитии городов с точки зрения устройства жизни. У нас есть Московская кольцевая железная дорога и вдоль нее образуется пояс заводов, больших индустрий. Заводы в тот момент были совсем другой производительности труда, чем сегодня. На ЗИЛе работало полмиллиона человек. Что значит работающие полмиллиона человек? То, что их надо привезти утром на работу, а вечером с работы, в обед всех накормить, а также надо решать проблемы здравоохранения, воспроизводства рабочей силы, что подразумевает строительство детских садов, школ. Всего в Москве в это время до 5 миллионов рабочих. Еще есть некая специфика России, как государства, – тогда считалось, что это главный класс. Предполагается, что город должен развиваться для него. Так появляются общественные пространства, как парк культуры. Но главного вопроса, где людей селить, сталинская архитектура, а большая часть пришлась на нее, вообще не решает. Москва после войны была сильно разрушена бомбардировками. Личная норма на человека – четыре с половиной метра. Для сравнения – сегодняшняя тюрьма требует 5 метров. Поэтому нужно массово строить жилые кварталы, куда можно расселить людей.

Та сталинская архитектура, которую мы имеем в Москве, в общем занимается работой с чиновничьим классом, номенклатурой. Они берут в качестве форпоста Садовое кольцо, которое целиком обстраивается домами для номенклатуры. Мы знаем первый дом НКВД, второй дом НКВД, третий дом НКВД – они подряд идут от Курской, потом дом Минобороны один, второй, третий, четвертый плюс высотки. Логика та же – самых главных из номенклатурных чинов – генеральские чины – направляли жить в высотку. Это очень сословное представление о городе: такие палаццо, стоящие на границе города и отсекающие его от окружающей среды, и самых лучших мы селим в башнях. А кругом какой-то город. Наверное, это соответствует социальной логике при Сталине, но вместе с тем это соответствует все той же ансамблевой логике. Наше Садовое кольцо – это как Невский в Петербурге, как Гранд-канал в Венеции, – самые лучшие люди на самой лучшей улице в самых лучших домах. Только они называются не «первый дом графа Н», а «первый дом НКВД».

– Получается, то, что внутри Садового кольца, – это ансамбль, а за пределами – точечные...

– Отдельные ансамбли тоже, но они при этом все-таки недоансамбли. Конечно, ЗИЛ отдельно это – очень красиво. Когда сейчас все производство выведено, мы видим здания ар-деко, там есть свой проспект и все широко и прекрасно, но это была закрытая территория,

которую видело ограниченное количество людей и ее не использовали как парадную территорию. Поэтому нельзя сказать, что это еще одно место в городе, которое как-то вовлечено в городскую жизнь. Это закрытая зона, город в городе. То же самое в Курчатовском институте: вокруг колючая проволока и охрана, а внутрьходишь – и прекрасный сад, в котором стоят виллы, – все очень красиво.

Я к тому, что логика, которая организует тот город – индустриальный, город рабочих, который за Садовым кольцом, она вообще вне архитектуры и вне урбанистики. Она диктует чистые функции.

– Возвращаясь к градостроительным планам Москвы, как в соответствии с ними менялся облик города?

– Сталинский Генплан города 1935 года продолжает, как и в проектах 20-х годов, прояснять существующую структуру Москвы. То есть в Москве есть кольца: кольцо вокруг Кремля, которое мы делаем площадями; Бульварное кольцо, а там, где оно не застроено, мы строим Дом полярников; и Садовое кольцо, – всего три кольца. И магистрали, которые ведут к Кремлю и прорезают город: Тверская, Ленинский, Кутузовский, Комсомольский. И набережные Москвы-реки. Надо понимать, что набережная Москвы-реки XIX века – это зады города, использующиеся как арык – для спуска нечистот города. Поэтому там находятся склады, сараи, бани и всякая дрянь. А сталинская архитектура делает из нее, наоборот, петербургскую набережную, такую «Невы державное течение, береговой ее гранит».

Все меняется с постановлением «Об излишествах в архитектуре» 1955 года, когда решается, что архитектура должна перейти на индустриальные рельсы, как заявил Хрущев. И здесь город начинает развиваться совершенно по другой логике. Это процесс довольно долгий: есть инкубационный период этой логики, есть ее развитие и первые экспериментальные вещи, но смысл заключается в том, что, как мне кажется, именно в этот момент меняется парадигма с художественной на научно-технологическую.

В рамках научно-технологической парадигмы город рассматривается как продолжение научной организации труда и продолжение такого же производства. Тут надо понимать, что это входит в хрущевскую программу, которую за неимением лучшего можно назвать второй индустриализацией. Хрущев начал превращать в индустрии все сферы жизни, надеясь на очень большую эффективность. Новая индустрия общественного питания, возвращение к идее фабрик-кухонь, когда вместо сталинских ресторанов появляются бесконечные столовые. И сами сталинские рестораны стали работать по образцу столовых. Конец 40-х годов, в сталинских ресторанах сидят офицеры-победители с большими трофейными деньгами. Тот же ресторан «Прага» через десять лет выглядит совсем по-другому: посадка поместная, а не по столикам, меню сокращается в десять раз. В Москве есть Музей общественного питания, где рассказывается, как Хрущев выкупает технологические линии, в основном финские, для решения проблемы питания. Там представлены меню ресторанов. Можно посмотреть, что такое меню сталинского времени и что такое хрущевское меню – оно упрощается в 10 раз. Если в сталинском меню была котлета пожарская, то здесь уже идет котлета № 2 и так далее. Пожалуйста, идите в «Прагу», но вы там получите то же самое. В этом и есть смысл индустриализации – простой выбор. То же самое происходит с сельским хозяйством, здравоохранением: у нас до этого – старший московский врач, а теперь – массовое строительство поликлиник, массовая диспансеризация – мы берем число, которое эту услугу оказывает, и автоматизацией. Страна в этот момент переживает большой энтузиазм, потому что раньше были индустрии фантастические – о том, как сделать ядерную бомбу, как сделать танки, – а теперь это начинает переориентироваться на сферу быта. Появляется частный автомобиль – приход большой индустрии в жизнь людей. По этой же логике начинает индустриально строиться жилье: сначала пятиэтажки, потом уже двенадцатиэтажные дома. По этой же логике начинает развиваться градостроительство. Логика построения города – функциональная: три зоны – производства, жилья и буферная зона – зона

отдыха. Не то чтобы там совсем нет представления об эстетике, но оно специфическое. Предполагается, что самое красивое в городе – это лес. Такие места отдыха планируются в каждом районе. В принципе имеется в виду, что леса разовьются в парки, но для этого ничего не делается. Представляете себе, что такое сталинский парк – парк культуры – это много работы. А здесь максимум что делают – это прокладывают прогулочные дорожки. Причем чем город свободнее и лучше, тем больше этот лес, а больше ничего нет. В Москве еще есть во всех этих районах райкомовская площадь, тоже совершенно элементарная, прямоугольная, где с одного бока стоит райком и подход к нему.

В области жилья главным является функциональность. Никто не утверждает, что пятиэтажки очень красивые. Об этом вообще нет речи. Мы не за красоту их строим. Для нас главное – это технологическая организация жизни. Естественно, есть принцип экономии. Пятиэтажки строятся по строчной системе, т. е. они могут стоять относительно одной линии по нескольким конфигурациям – они строятся кранами, а башенный кран хорошо идет по прямым рельсам, но плохо поворачивает. И так делается район за районом.

Таким образом, логика хрущевской реформы – это массовость, одинаковость, и именно здесь важен научный элемент. А художественная логика города, неважно, авангардная или классическая, всегда пытается создать что-то уникальное.

– В этом месте хочется добавить, что человеку необходима среда, состоящая из уникальных объектов. Безликие однообразные строения убивают чувство прекрасного.

– Эта среда может быть прекрасная, а может быть ужасная. Если говорить об улице 10-летия Октября, первых бараках, которые делали конструктивисты, нельзя сказать, что они так прекрасны, – это массовое жилье. Я так сказал – бараки... Это с нашей точки зрения – бараки. А если посмотреть, из чего переселяли этих рабочих – это совсем не бараки. И конечно, люди были рады. Но поскольку нет индустрии производства этих домов, то нет необходимости создавать везде одинаковые поселки. Хорошо, вы делаете пять камышитовых домов, а следующие пять уже не такие. Другое дело, когда у вас есть ДСК, которое производит совершенно одинаковые плиты, и вы везде делаете одно и то же. В первом случае даже если это жилье не очень высокого уровня, все равно речь идет о создании уникальных мест. Во втором примере речь идет о создании типовых домов. Со временем общая оценка районов с одинаковой застройкой стала таковой, что там невозможно жить. Вспоминаются строчки Галича «Над блочно-панельной Россией, Как лагерный номер – луна», – здесь все понятно: с точки зрения художественной – это отвратительно, но с точки зрения науки мы получили стандартный объект исследования, одинаковые атомы. И выходит, что по такой логике – это прекрасно, удалось получить некую очевидную единицу, с которой дальше можно работать. С этой единицей мы можем понять, как добраться от квартиры до работы за определенное время, сколько человеку нужно квадратных метров, какой стандартный набор мебели нужен, какой набор посуды. Это соответствует логике планирования, но планирования не архитектурного, а госплана, то есть экономического. Пятиэтажка – это изделие, которое расписано вплоть до дверной ручки. Мы можем посчитать все. Конечно, это научно-технологический подход.

Одновременно мы понимаем, как тянуть воду, прокладывать канализацию. Надо сказать, что в этот момент создается совершенно уникальная система водоснабжения Москвы. Все человечество восхищается римскими акведуками, но то, что сделано в Москве – это потрясающая по своей сложности система. Система водоснабжения нашего города примерно такая же, как электроснабжения, т. е. у нас есть общая сеть, в которой должно поддерживаться общее давление, и дальше эта единая сеть, – при том что есть разные водохранилища, разные водозаборы, – распределяется на разные районы. Единая система на 11-миллионный город. Конечно, это мир высоких технологий, той же самой индустриализации. Рассчитав, как все работает, мы можем протягивать коммуникации от дома к дому. У нас получаются места с подведенными линиями коммуникаций – транспортной, электричеством, водой, канализацией, телефоном.

Логика построения города в этот момент очень напоминает электрические схемы-платы первых компьютеров, но не на проводниках, а еще на лампах: к лампе тянутся провода. Этот образ совершенно сознательно вдохновлял архитектора Павлова, когда он проектировал техцентр на Варшавской. Или Зеленоград – советский замысел силиконовой долины. Главный архитектор Покровский видел город как аналог электронной платы, которая там же изготавливается.

– Можно ли уточнить временные рамки, в которые укладывается научно-технологический подход в градостроительном планировании Москвы?

– По моему мнению, научно-технологический подход был преобладающим с 60-х по начало 80-х гг. Это время ученых-естественников. Именно в этот период город увеличивается в пять раз: он перешагивает через промышленный пояс, который теперь образует Третье транспортное кольцо, и застраивается спальными районами. Дальше приходит разочарование вот в таком городе. Оно общемировое и не только нас касается. В 50-е гг. в центре Амстердама действовал закон «одной ночи»: если человек переночевал одну ночь в заброшенном доме, то этот дом становился его. Почему? Потому что реально в центре после войны никто не жил, там были абсолютно невозможные условия для жизни, и все стремились в новые районы, только что построенные. В Москве будет аналогичная ситуация: когда начинают строиться эти районы, люди спокойно меняются с Остоженки на Юго-Запад именно в пятиэтажку. Это довольно большая ценность в тот момент. А дальше, как прекрасно показано в общенародно любимом фильме «С легким паром», мы оказываемся в абсолютно одинаковой научной среде, где нас не покидает ощущение, будто мы живем в таблице Менделеева. В принципе спальные районы – это гениальное достижение человечества, которое действительно решило жилищную проблему у целого поколения в тяжелое послевоенное время. При том что страна в основном занималась производством атомной бомбы, тем не менее было найдено решение проблемы расселения людей. И мы никогда больше не смогли это повторить.

Надо понимать, что эти дома строились с расчетом на определенный срок эксплуатации, а ведь дальше-то все равно коммунизм, там все будет по-другому. Идея Хрущева – коммунизм через 20 лет. Но потом наступает разочарование в коммунизме. И уже пятиэтажки в массовом сознании начинают рассматриваться как тюрьма, место, где невозможно жить.

– Получается, наука тоже потерпела фиаско?

– Научно-технологический подход, о котором мы говорили, уступает свое место новым ценностным представлениям. Отчасти это также соответствует некому разочарованию в естественной науке, которое связано с кризисом веры в прогресс. Это чистая аксиология, ситуация, когда это было ценностью, и поэтому эти районы были ценностью, и этот образ жизни казался очень ценным. Потом это перестало быть ценностью, а вместо этого стало ценным то, что не про прогресс, а про случайность, про жизнь, про то, что смысл жизни в самой жизни, а не в том, что мы куда-то идем. И здесь возникают попытки другого градостроительства, которое бы учитывало главное, что интересно в городе, что делает среду средой – это сложность, то, что называется complexity, в самых разных проявлениях. Есть проекты типа нашего НЭРа – самое интересное, что у нас происходило в градостроительстве. Можно сказать, что это мечты о будущем после пятиэтажек: это такая текучая среда-плазма, в ней соты. Скорее всего это связано с органикой и мыслями о том, что не электроника, а биология, биоформы правильно создают нам среду.

Кто-то говорит о наложении, полимсесте разных слоев, и исторический город, где накладывается один слой, второй слой, третий – вот это самое ценное. И это прямо начинает работать в экономике, потому что центр города уже никто не меняет на новые районы. Сегодня цена квадратного метра на Остоженке и востоке Москвы отличается в двадцать раз. Вот она ценность.

Это уже совершенно не научная, а скорее спонтанная логика. Вы можете построить любой объект, любой формы, не выше столько-то этажей, не увеличивая плотность, не заго-

раживая вот это, но мы дальше вам ничего не говорим. То есть дальше – это случайность, это зависит от того, как архитектор это решил. Как сказать об этой парадигме целиком? Я бы назвал ее гуманитарной наукой. Потому что это представление о сложности социума и сложности человеческого организма, цивилизации, которая будет свойственна именно гуманитарным дисциплинам.

Если вы помните, главная идея Лотмана – это наличие как минимум двух языков: он исследовал двуязычие русского общества – владение русским и французским языками, и дальше двуязычие у него получилось универсальным принципом культуры. Таким образом, обязательно должно быть как минимум два типа кодирования. Если прямо переносить это в градостроительство, то в пятиэтажках есть только один. Если у нас есть город семнадцатого века, а на него наложен город двадцатого века – вот у нас два разных кода. А лучше больше, чтобы они друг друга перекрывали, – спонтанность, сложность, разные культурные конstellляции. Заметьте, что нельзя назвать это напрямую художественным подходом, не то чтобы кто-то нарисовал такую форму. И сами художники в этот момент начинают по-другому мыслить пластику. Понятно, что о чувстве формы можно говорить применительно к авангарду 20-х годов – оно есть у Ладовского. Но что такое чувство формы в инсталляциях Кабакова? Мы не можем ответить на этот вопрос, здесь вообще нет пластического начала. Важным как раз является случайность, уникальность, абсурдность самого факта сочетания этих элементов вот в этом месте. Но здесь нет формального критерия, и ценится именно сложность, – наиболее полно это начинает выражаться в гуманитарном знании: в мифологии, литературе, философии, религии, в работах Авенцева, Иванова, Топорова, Лотмана, Гуревича. И ценный город оказывается тот, который соответствует описанной картине мира. В градостроительстве такой логике отвечает средовой подход. Когда среда является спонтанным образованием, которое почему-то сложилось и мы теперь должны это ценить. Это практически аналог инсталляции, только без автора. И средовой подход, насколько он мог, на протяжении 20 лет определял развитие Москвы.

– Григорий Исаакович, подытоживая наш разговор, как Вы считаете, будут ли использоваться научные идеи в создании современной Москвы?

– Говоря о Большой Москве, можно точно сказать, что это не логика ученых, гуманитариев, естественников, художников. Это чисто административная логика. И чтобы выдержать тему, давайте оставим этот вопрос открытым. (*Улыбается.*)

Археология

Л.А. Беляев

Развитие археологической мысли и археологические памятники Москвы²

Я рассказывал об открытиях во время строения дворца, о дубовых стенах Кремля от Ивана Калиты, найденных на месте Корпуса их высочеств. О грамотах Донского, о церкви Иоанна Предтечи, что под жертвенником найдены кости конские... об обручах курганных и серьгах.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 155 (О встрече с Великим князем Сергеем Александровичем в 1891 г.)

Москва и её археология: начало начал

О Москве – древней столице нашего государства и замечательной реке, на которой она стоит, – известно сравнительно много. Но ежегодно одно за другим следуют важные, зачастую неожиданные, археологические открытия. Их делают при раскопках (археологи говорят: «в поле») и сидя за компьютером, в лабораториях, архивах, библиотеках, музейных хранилищах. Случайная находка может достаться, вообще говоря, кому угодно. Но открытия совершают только ученые, специально занятые изучением прошлого Москвы. За четыре столетия существования российской науки интерес к нему не был одинаков, он складывался постепенно и имеет свою историю.

В XVIII в. археология в нашем понимании только зарождалась. Тогда полагали, что подлинные древности – это памятники Древней Греции и Древнего Рима, в крайнем случае – скифские курганы, русских же древностей нет и быть не может. Идея научного познания прошлого Москвы через её археологические памятники возникла в начале XIX столетия. Тогда поняли, что городища (то есть остатки укрепленных поселений), ещё высившиеся над московскими речками и ручьями, – далекие предшественники города. Эту плодотворную мысль развивал современник Пушкина, польский эмигрант Зориан Доленга (Ходаковский), не нашедший поддержки в обществе, но зато нашедший приют на страницах «Евгения Онегина». Он составил первый перечень московских городищ, в которых, правда, видел по образцу античности не поселения, а языческие храмы славян.

В 1850-х гг. один из основателей русской археологии граф А.С. Уваров провел «показательные» раскопки курганных кладбищ Владимиро-Суздальской земли, написав на их основе серьезный научный труд. В тогдашнем Подмоскovie славяне, прародичи нынешних москвичей, также оставили много курганов. Их стали раскапывать, стремясь восстановить жизнь древних племен. Однако этим занимались не историки, а естествоиспытатели (этнологи, антропологи, биологи, палеонтологи), то есть те, кто стремился изучить происхождение человека, его доисторическое прошлое.

Хотя в XIX столетии интерес к родному прошлому резко вырос, он удовлетворялся в основном изучением летописей и документов. В лучшем случае обращались к архитектурным сооружениям (ими особенно интересовалось только что возникшее Московское археологическое общество) и коллекциям Оружейной палаты. К концу века появился особый музей материальной культуры и быта русского народа – Исторический (на Красной площади). Его первый директор и один из основателей, знаток города Иван Егорович Забелин (не только архивист, но и полевой исследователь, открывший для науки Чертомлыкский курган) собирал в музей слу-

² О Москве и археологии можно говорить в двух аспектах: как об изучении прошлого самого города и как об одной из научных столиц России, о её роли в складывании российской археологии вообще. Мы берём первый аспект, но поскольку темы взаимосвязаны, затронем и второй.

чайные находки. Но страницы его дневников пестрят сообщениями о находимых при строительстве в Кремле монетах и погребениях, оружии и фундаментах зданий. Он обсуждал с градоначальником, Великим князем Сергеем Александровичем (которому суждено было вскоре пасть от руки террориста и гробница которого в наши дни сама стала предметом археологического исследования) программу специальных археологических работ, мечтал соединить их с историей страны. Всё же в знаменитую «Историю Москвы» Забелин не включил археологических находок – наука еще плохо умела их интерпретировать и воспринимала как иллюстрации уже известного. Последующие 100–150 лет она будет этому учиться, но нельзя сказать, что проблема полностью решена и сегодня.

Археология Москвы как города сравнительно молодого заинтересовала фундаментальную науку только в XX в., и то не сразу – к 1920-м гг., когда на основе конфискованных коллекций и старых усадеб «эксплуататорских классов» было создано множество новых музеев: за первое десятилетие XX в. (1901–1910) в России их открылось 16, а после 1917 г. только в РСФСР ежегодно появлялось три-четыре десятка. Резко возросло и количество краеведческих сообществ (до 1700). В рамках одного из них (Общество изучения Московской губернии (области), с 1925 г.) известный историк Сергей Константинович Богоявленский подготовил материалы особой археологической карты Московской губернии со списком курганов и городищ³. Важнейшими открытиями 1920-х гг. стали т. н. фатьяновские могильники II тыс. до н. э., эпохи бронзы (в районе Москвы – Давыдовский в Кунцеве) с их сверленными каменными топорами и шаровидными керамическими сосудами. Каменные топоры были найдены также на Софийской набережной, на углу улиц Моховой и Воздвиженки, на Сивцевом Вражке, у Дорогомиловской Заставы, на Русаковской улице, в Сокольниках, на Ленинских горах и Перовом поле. Стало ясно, что в эпоху бронзы территория Москвы была хорошо освоена.

Но это, опять-таки, было далекое прошлое, истории самого города оно мало касалось. Зато оно глубоко интересовало членов основанного в 1909 г. общества «Старая Москва», во главе которого в 1919 г. встал художник Аполлинарий Михайлович Васнецов (1856–1933), изучавший облик столицы в древности. Среди его многочисленных докладов на заседаниях Общества некоторые посвящены наблюдениям за земляными работами. Их Васнецов вёл регулярно, сопоставляя увиденные остатки каменных кладок и деревянных мостовых с картами и древними названиями урочищ. Художник описал остатки укреплений Белого города у Сретенских ворот и на Трубной площади, зарисовал часть деревянного моста на Ленивке, у Троицкой башни Кремля изучил белокаменную облицовку плотины Неглинного пруда; у Боровицких ворот в Александровском саду – засыпанные землей в 1817 г. арки Воскресенского моста (1687 г.) через Неглинную, а при строительстве здания телеграфа на Тверской насчитал пять ярусов древних мостовых.

Всё же звание «первого московского археолога» заслужил только новый (с 1923 г.) председатель «Старой Москвы» Петр Николаевич Миллер (1867–1943)⁴. Знаток города и автор многих работ о нем, он в 1928 г. выпустил статью с замечательным названием: «Московский мусор», впервые указав на культурную ценность часто попадающихся в слоях Москвы поздних находок – изразцов, глиняных подсвечников, курительных трубок, помадных банок – и четко поставил задачу систематического надзора за земляными работами. Его находки были показаны на 3-й Краеведческой конференции РСФСР в декабре 1927 г. С 1922 г. существовал и музей «Старая Москва» (часть залов в особняке Английского клуба, позже Музея Революции), созданный им вместе с Д.Н. Анучиным и А.М. Васнецовым. Свою роль в развитии археологии города играли Московский коммунальный музей⁵ и музей-заповедник «Коломенское»⁶,

³ Только в 1947 г. был издан, и то не целиком, список памятников.

⁴ Подробная библиография: Уваров А.С., Миллер П.Н. // Московская энциклопедия. Т. I. Кн. 3. (М-Р). М., 2010. С. 18.

⁵ Создан в 1896 г.; позже Музей истории и реконструкции Москвы, сейчас Музей истории г. Москвы.

организованный легендарным архитектором, борцом за сохранение памятников старины П.Д. Барановским.

В начале 1930-х гг. это поступательное движение прервал политический разгром краеведения, ликвидация Центрального бюро, многих обществ и большинства музеев. Но они сыграли свою роль в формировании московской школы научной археологии. Еще в 1922 г. при Академии наук возникло Центральное бюро краеведения (позднее в Наркомате просвещения), где сотрудничали классики дореволюционной русской археологии (великий вещевед Александр Андреевич Спицын) и молодые ученые, такие как Константин Яковлевич Виноградов (1884–1942), впоследствии много копавший в Москве (в 1920–1930-х гг. он серьезно изучал городище Дьяково и подмосковные курганы). Школу формировали первые центры подготовки ученых-археологов: в 1922 г. отделение археологии открылось на факультете общественных наук МГУ (раньше курса археологии в университетах не читали), где преподавали двое выдающихся профессоров, Юрий Владимирович Готье и Василий Алексеевич Городцов (1860–1945).

Готье был в первую очередь историком, пытавшимся соединить сведения письменных источников с памятниками материальной культуры (курс «Железный век в Восточной Европе», где использована информация о раскопках подмосковных курганов), и лишь эпизодически вел раскопки (в 1920 г. на Дьяковском городище).

В.А. Городцов – классик русской археологии, основатель московской археологической школы, в 1906–1926 гг. хранитель богатейшего археологического отдела Исторического музея. Сын священника из рязанского села и офицер-артиллерист (до 1906 г.), он в то же время вел археологические исследования, став членом Московского археологического общества. Практически все археологи-москвичи советского периода учились именно у него. Средств на дальнейшие экспедиции не было, и памятники ближайшей округи Москвы стали «полигоном» для обучения студентов методике раскопок. В 1919–1923 гг. под руководством Городцова шли работы на городищах «дьякова типа» (Кунцевское, Сетуньское, Мамоново, Мячковское) и славянских курганах у Филей, Чертанова, Асеева (Щелковский район), Болшева (Пушкинский район), Балятина (Октябрьский район), Чашникова (Солнечногорский район). В ходе этих работ удалось уточнить возраст дьяковских поселений, сдвинув их почти на целое тысячелетие, к VII–IV вв. до н. э. (раньше их датировали серединой I тыс. н. э.).

Второй крупной археологической школой Москвы была кафедра антропологии естественного отделения физико-математического факультета МГУ (возобновлена в 1918 г. после закрытия в 1880-х гг.). Её восстановил крупнейший антрополог, археолог и этнограф Дмитрий Николаевич Анучин (ум. в 1923 г.). Там преподавали антрополог Виктор Валерьянович Бунак (1891–1979), этнограф и археолог Борис Алексеевич Куфтин (1892–1953), археолог Борис Сергеевич Жуков (1892–1932). Выпускники, крупные ученые-археологи середины XX в. (Михаил Вацлавович Воеводский (1903–1948), Отто Николаевич Бадер (1903–1979)⁷ и Екатерина Ивановна Горюнова (1902–1955), много работали в окрестностях Москвы, изучая те же типы объектов, на которых работали студенты Исторического факультета. Так, Б.С. Жуков в 1922–1926 гг. (вместе с О.Н. Бадером и М.В. Воеводским) начал раскопки курганной группы у села Черемушки.

Некоторые открытия стали подлинным вкладом в развитие науки. Среди них – Льяловская неолитическая стоянка у станции Битца – самое древнее поселение Московской земли. Её исследователь Жуков сделал её настоящим полигоном самых передовых методик и привлек к работам выдающихся естествоиспытателей (биолог Д.П. Мещеряков; ботаник В.С. Докту-

⁶ Сейчас в составе Московского государственного объединенного музея-заповедника.

⁷ О.Н. Бадер составил в те годы «Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей», опубликованные в 1947 г.

ровский (1884–1935); зоологи В.А. Линдгольм (1874–1935), М.В. Павлова (1854–1938), М.А. Мензбир (1855–1935), А.Н. Формозов (1899–1973). В 1924 г. Куфтин и Воеводский открыли кремневые и глиняные изделия льяловского типа в черте современной Москвы – в Щукине и Ку스코во⁸.

Логично, что в студенческом сборнике к 60-летию Городцова (1928) увидел свет целый ряд статей по археологии Москвы, в том числе первая печатная работа будущего академика и директора Института археологии Академии наук СССР Бориса Александровича Рыбакова («О раскопках вятических курганов в Мякинине и Кременье в 1927 году»)⁹. Тогда уже работали в Москве С.В. Киселев (1905–1962), позже член-корреспондент Академии наук, оставивший классические труды по археологии Сибири, и Александр Федорович Дубынин, будущий (с 1953) руководитель Московской археологической экспедиции (в 1927–1929 гг. раскопал курганы у станции Клязьма, в Черкизове и другие).

Итак, до середины 1930-х гг. город изучали в рамках краеведения, научные наблюдения при строительных работах делали первые шаги, а раскопки курганов и городищ вели в основном в учебных целях.

Становление московской археологии: работы на Метрострое и другие раскопки 1930-х – начала 1940-х гг.

Успехи 1920-х гг. всё же оставались в рамках традиционной «до-городской» археологии. Ученых привлекали стоянки позднего каменного века, могильники эпохи бронзы, городища раннего железного века, курганные погребения славян. Начало широкому и глубокому изучению города Москвы положил основатель кафедры археологии исторического факультета МГУ Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978), в глазах нескольких поколений ученых оставшийся истинным «культурным героем» их науки. Ученик В.А. Городцова и Ю.В. Готье, а также историков-марксистов (М.В. Фриче, М.Н. Покровский), он как бы подвел итоги изучения подмосковных курганов XI–XIV вв. в диссертации «Курганы вятичей» (1930), где, применил математическую статистику для обобщения материалов (он и позже постоянно раскапывал курганы, проводя студенческую практику в том числе в Черемушках).

Арциховский по праву возглавил первый большой археолого-урбанистический проект в Москве, связанный с прокладкой центральных линий метро. Проект был крайне престижным: он был прямо связан с одной из ведущих строек индустриализации¹⁰, формировавшей символическую новую страну, новую жизнь. Работа шла ударными темпами. В июне 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о строительстве метрополитена, и с марта 1932 г. начались земляные работы на первом радиусе («Парк культуры» – «Сокольники»), завершённые к маю 1935 г.

В состав работавших на строительстве были включены группы историков-архивистов и археологов – решение, для своего времени совершенно незаурядное. Археологов привлекли по двум причинам. Во-первых, инженерам требовались сведения о качестве проходимых грунтов (по трассе, например, было отмечено более ста старых колодцев, открывались давно забытые источники, фундаменты старых зданий и т. п.). Во-вторых, в 1934 г. вышло постановление ВЦИК и СНК СССР «Об охране археологических памятников», по которому все новостройки

⁸ К сожалению, в конце 1920-х гг. не все из этих ученых продолжили работать в Москве: Б.С. Жуков рано умер, а Куфтин начал раскопки памятников эпохи бронзы в Закавказье, став первым среди археологов лауреатом Государственной премии и действительным членом Академии наук Грузинской ССР.

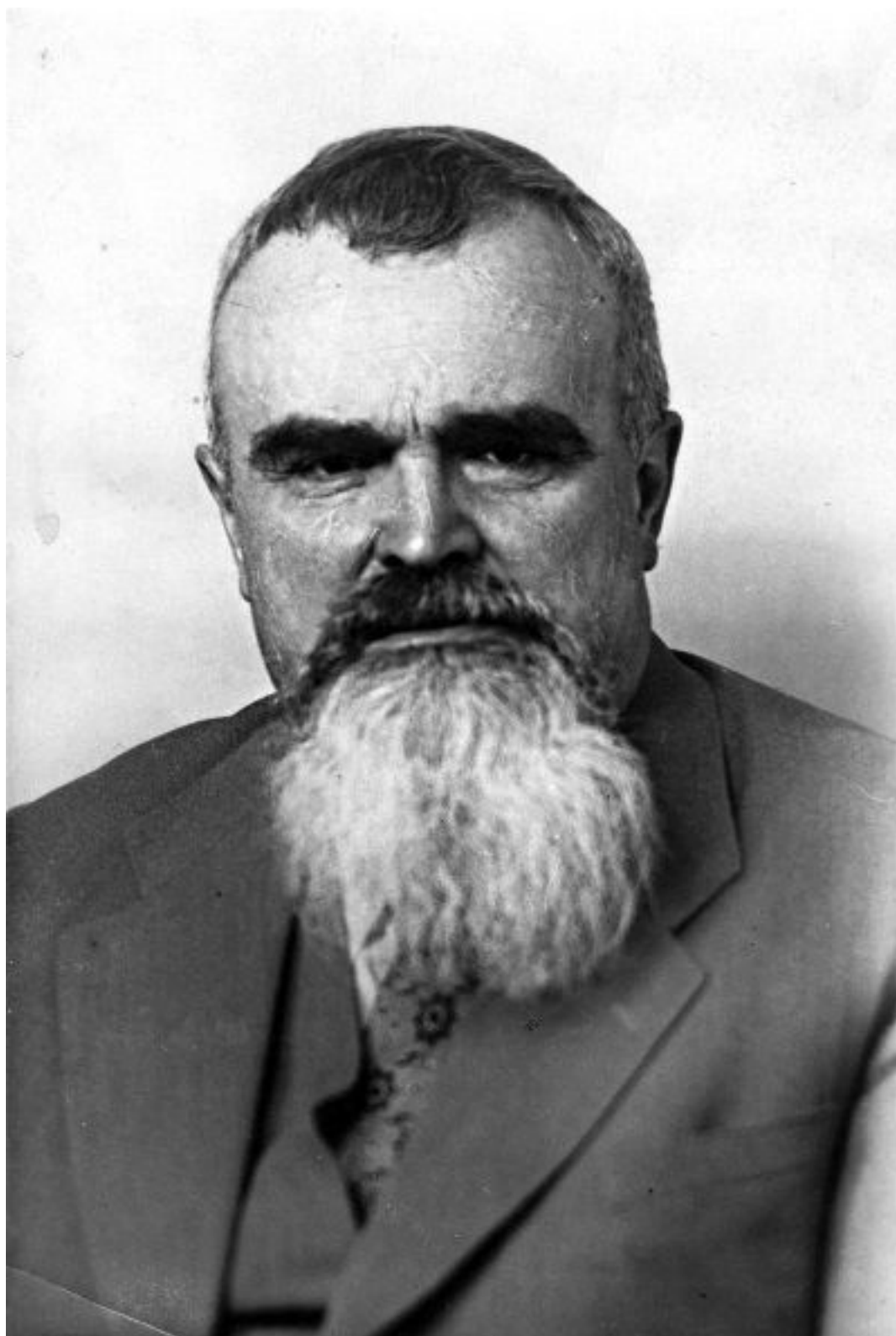
⁹ В Москве формировались как ученые и другие выдающиеся археологи XX в.: М.Е. Фосс (1899–1955), основоположник археологии в Армении Е.А. Байбуртян (1898–1938); исследователь дьяковских городищ Л.А. Евтюхова (1903–1974).

¹⁰ На стройке работали 75 тысяч рабочих, было использовано 80 тыс. тонн металла, 581 тыс. кубов леса, 236 тыс. тонн цемента.

обязали выделять часть средств для охранных археологических исследований – его следовало выполнить.

Договор Управления строительства метрополитена с Государственной академией истории материальной культуры был подписан 7 мая 1933 г. Археологи обязались вести повседневный надзор за земляными работами, обмениваться информацией со строителями, читать лекции рабочим и инженерам. Специальным приказом (2.11.1933) рабочие на стройке были обязаны следить за находками древних вещей в земле.

В специальном обращении академик Н.Я. Марр и А.В. Арциховский объясняли: «Товарищи рабочие, техники, инженеры!... Почва Москвы хранит в себе огромное количество очень ценных для науки находок. Остатки древних построек, мостовых, древние могилы, орудия и оружие, каменные плиты с надписями, древняя посуда и обломки ее, изразцы, монеты и т. п. имеют большое научное значение и помогают узнать историю нашей социалистической столицы – Москвы, существующей уже много сотен лет... Необходимо принять все меры к их сохранению, тщательно собирать их для передачи в наши музеи, где они станут доступными для изучения и обозрения... Внимательно и бережно относитесь ко всем находкам древних остатков в почвенных слоях Москвы... не уничтожайте и не ломайте их. О всем найденном немедленно сообщайте через начальников участков уполномоченным академии».

Артеми́й Влади́мирович Арциховский. Фотография 1960-х гг.

Формально возглавляла работы Татьяна Сергеевна Пассек (1903–1968), в будущем – лауреат Государственной премии, уже заметный тогда ученый. У неё было представление о древностях района Москвы, так как она участвовала в разведках на строительстве Канала имени Москвы. Но как специалист по трипольской культуре (IV тыс. до н. э., Правобережье Украины)

не могла непосредственно руководить работами. Тут нужен был москвовед и знаток русского Средневековья, каковым и стал А.В. Арциховский.

Для работ на Метрострое были созданы две бригады, историко-архивная и археологическая. Среди «архивистов», готовивших подробнейшие справки по застройке с планами и чертежами, были ученые старшего поколения, начинавшие ещё во время революции (П.Н. Миллер, директор Коммунального музея Петр Васильевич Сытин (1885–1968), сотрудники Литературного и Исторического музеев).

Археологическая бригада была гораздо моложе, в нее входили активнейшие работники, такие как С.В. Киселев и Алексей Петрович Смирнов (1899–1974), в будущем столь же крупный ученый, специалист по археологии железного века Поволжья (особенно городов Волжской Болгарии). Киселев отвечал за отрезок трассы от Смоленского рынка до Манежа, Смирнов – от Каланчевки до Русаковской улицы. Историк Николай Михайлович Коробков (1897–1947) работал на участке от Кропоткинской площади до Каланчевской. Он же опубликовал первую книгу о работах на Метрострое, популярную и выдержавшую два издания («Метро и прошлое Москвы», 1935; 1938).

Методы исследований на метрополитене были крайне просты. Работу вели ударными темпами, то есть очень быстро, а готовые траншеи сразу бетонировали – времени на расчистку объектов и подробную фиксацию не оставалось. Правда, благодаря серьезному отношению к делу инженеров и простых землекопов сбор находок шел хорошо. За повреждение древностей даже наказывали (так, один из рабочих, повредив надгробие XVIII в., получил выговор «за некультурное отношение к историческим памятникам»).

Научная задача формулировалась как сбор материалов о жизни рядовых москвичей XVI–XVII вв., почти неизвестной ранее. Быстро стала расти коллекция бытовых вещей, какими пользовались обычные горожане XVI–XVIII вв. Так, на Моховой открылись два старых колодца глубиной до 14 м, причем в одном оказались 11 целых глиняных кувшинов, три железных топора с рукоятями, стальной клинок шпаги XVII в. и медный ковш. В Александровском саду нашли следы царской аптеки XVII в. с многочисленными склянками для лекарств. Появилась возможность составить представление о самом массовом материале, керамике, и начать углубленные анализы её технологии; в частности, чернолощеную посуду XVI–XVIII вв. изучал М.В. Воеводский.

Особую задачу составляло уточнение исторической топографии, истории древних сооружений и урочищ. Участки стен Белого города, разобранные в 1783 г. «за ветхостью и ненадобностью», открыли у станции метро «Кировская» («Чистые пруды») и у Арбатских ворот; проследили укрепления Земляного города по линии Садового кольца; в районе площадей Лубянской, Революции и Театральной детально обмерили фундаменты Китай-города (открыв в одном из тайников стены «клад» XVII в.: шелковый охабень). В слоях обнаружились даже подтверждения сведениям письменных источников: опричник эпохи Ивана Грозного, Генрих Штаден, описал толстый слой песка, которым засыпали поверхность Опричного двора – и такой слой действительно открылся в котловане на углу Воздвиженки и Моховой!

Ход работ, в том числе и археологических, охотно освещала пресса (прежде всего газета «Вечерняя Москва»), а научные материалы публиковал журнал «Историк-марксист», сборники «Известия ГАИМК», «Сообщения ГАИМК», «Проблемы истории докапиталистических обществ». Была организована специальная выставка в Историческом музее.

Первой научной книгой по археологии Москвы стала итоговая публикация «По трассе первой очереди Московского метрополитена. Архивно-исторические и археологические работы академии в 1934 году» (М.-Л., 1936). Том открывало предисловие главы Метростроя П.П. Ротерта, за ним следовали историко-архивные и археологические статьи. Т.С. Пассек дала, по материалам А.В. Арциховского, общую характеристику культурного слоя Москвы: в среднем он достигал 2-х, в самых глубоких местах – 4-х метров. Сам Арциховский опубли-

ковал находки из колодцев на Моховой и серию надгробных плит с надписями XVI–XVII вв. Публиковались также характеристики гидротехнических сооружений, пушечных ядер XVI–XVII вв., аптекарской посуды, одежды, металлических предметов и др.

При открытии Первой очереди метрополитена (21.11.1935) А.В. Арциховского и Т.С. Пассек наградили почетными знаками Моссовета (позже, к семидесятилетию, первый даже получит звание «Почетный метростроевец»).

Работы Второй очереди строительства (1935–1936) шли уже не по историческому ядру города, а ближе к окраинам, и проходку в основном вели закрытым способом, на большой глубине, вне культурных слоев, а материалы наблюдений были опубликованы гораздо позднее, в 1947 г. (Е.И. Горюнова).

Работы на метрополитене стали первой попыткой сочетать интересы науки и строительства. Это сочетание получит самое широкое, но неоднозначно оцениваемое, развитие. Впрочем, в развитии научных знаний о Москве роль работ 1930-х гг. неоспорима. Археологи получили возможность грубо, но эффективно разрезать «пирог» городского культурного слоя на всю глубину и во многих направлениях. Это было очень впечатляющее зрелище. Открылись настоящие залежи глиняной посуды, костяных, белокаменных и (местами) деревянных изделий, монет и оружия, изразцов и надгробий. Наметились перспективы перехода к регулярным и планомерным раскопкам, к привлечению новейших научных методов, к поиску более ранних слоев, которые можно было бы соотнести с наиболее древними курганами Подмосковья.

Но этим планам не суждено было реализоваться. По завершении работ на центральных радиусах метрополитена археологи практически прекратили исследования в Москве. За этим стояли серьезные причины. Первая – хронологическая: в городе оказалось очень мало домонгольских и раннемосковских древностей – главную массу находок составили вещи и сооружения XVI–XVII вв. А ими археологи XX в. обычно пренебрегали. «Младший» город, долго остававшийся сравнительно небогатым, не накопил в грунте тех археологических сокровищ, которыми прославятся позже северные русские народоправства – Новгород и Псков. Во-вторых, слой города оказался основательно испорченным строительством второй половины XIX – начала XX в. (чего практически не было в главных древнерусских городах, развившихся не столько бурно). Наконец, сказались особые политические условия: сердце древнего города, Кремль, был закрыт для раскопок¹¹, да и в других местах их можно было вести только после множества согласований и под неусыпным надзором всевозможной администрации.

Короткий маршрут: устье Яузы – Зарядье – Боровицкий холм, 1947–1960 гг.

Около десятилетия (1936–1946) для археологии Москвы прошли как во сне, который затронул и Подмосковье, и даже работу по подготовке студентов. Во время войны лучшие московские археологи (А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, А.Л. Монгайт, О.Н. Бадер и другие) ушли на фронт. И хотя по возвращении университета в Москву (1944) практика на подмосковных курганах возобновилась (уже в 1944 г. раскапывали курганные группы в Царицыне), и к работам привлекали крупнейших ученых¹², у Арциховского были все основания писать: «К сожалению, в Москве раскопок почти не было. Восьмой век московской истории окончился, не выполнив необходимых работ по научному изучению родной старины, он завещал их девятому» («Материалы и исследования по археологии Москвы». М.-Л., 1947. С. 7).

¹¹ Исключением в довоенный период стали совершенно непрофессиональные и не принесшие никаких результатов поиски шизофреником И.Я. Стеллецким «подземных ходов» и «библиотеки Ивана Грозного» – на первых порах их поддержала служба охраны Кремля. См.: Стеллецкий Н.Я. Мертвые книги в московском тайнике. М., 1993.

¹² Великий антрополог Георгий Францевич Дебец (1905–1969); археолог-классик Владимир Дмитриевич Блаватский (1899–1980); скифолог Борис Николаевич Граков (1899–1970), из младшего поколения – Тамара Владимировна Равдина (1919–1991).

Но к 1947 г., когда это заявление было напечатано, сожаления звучали как запоздалые – начался новый этап московской археологии. Он был связан с тем патриотическим подъемом, который охватил общество после победы в Великой Отечественной войне, и, отчасти, с поворотом государственной политики «лицом к истории». Конкретным преломлением стало торжественное празднование 800-летия столицы осенью 1947 г. К нему приурочили первый выпуск «Материалов и исследований по археологии Москвы» и многотомную «Историю Москвы» (правда, археологический раздел был крохотный, а вышел, том спустя много лет). Снова стали оказывать внимание археологии и при крупных строительных работах.

Казалось, исследования должен возглавить А.В. Арциховский, давно считавший себя москвичом, искренне любивший и знавший город. Но с 1930-х гг. ученый работал над вторым, главным проектом своей жизни – раскопками Новгорода – и туда перенес центр своих интересов. Но в то же время стоит подчеркнуть роль московской археологической школы в создании абсолютно уникального и передового, эталонного для всех изучающих Средневековые проекты, который носит очень простое имя: Новгородская археологическая экспедиция кафедры археологии МГУ. За этим именем – известные всему миру берестяные грамоты (их уже более тысячи); многослойные деревянные мостовые, позволяющие строить хронологию по годовым кольцам деревьев; самая строгая и надежная вещевая типология; исключительная по полноте картина развития усадеб, улиц и площадей. Всё это в самой Москве изучено в гораздо меньшей степени, но не стоит забывать, что великий, многодесятилетний новгородский проект начинался в Москве, здесь же в основном подбирались его научные кадры (они рекрутируются здесь и в наши дни), и наоборот – многие исследователи Москвы прошли обучение именно на раскопках Новгорода Великого.

Арциховский, правда, не написал капитального труда по Москве. Но он всегда уделял ей внимание и сформулировал научные задачи дальнейших исследований в программной статье «Основные вопросы археологии Москвы»¹³. Его имя как главного редактора стоит на трех первых томах «Материалов и исследований по археологии Москвы»¹⁴. Содержание первого выпуска, впрочем, не подтверждало авторского тезиса о малой развитости археологии Москвы. В него уже вошли, кроме программной статьи, ряд базовых трудов: два свода к археологическим картам Москвы и Подмосковья, составленные ранее О.Н. Бадером и С.К. Богоявленским; отчет Е.И. Горюновой о работах на второй очереди метрополитена; результаты работ студенческих практик на курганных группах Царицына и Салтыковки; предварительная версия будущей керамической стратиграфии города, над которой уже начал работу М.Г. Рабинович («Гончарная слобода XVI–XVIII веков»)¹⁵. Последняя работа была особенно перспективна: она строилась на свежих фактах, собранных при строительстве, начатом в 1940 г. и продолженной в 1946–1947 гг. на Котельнической набережной. Это были уже не наблюдения при земляных работах, а методически правильные раскопки на месте будущего высотного здания на мысу при впадении в р. Москву реки Яузы (на левом её берегу, у церкви Никиты Мученика). Это было одно из нескольких мест, где выдающиеся знатоки Москвы (И.Е. Забелин и др.) предполагали древнейшее поселение города, легендарное село «Кучково».

Для выполнения программы научных раскопок Академия наук создала специальную Московскую археологическую экспедицию, руководителем которой стал совсем молодой тогда М.Г. Рабинович. Выбор не был случайным: ученик А.В. Арциховского и М.Н. Тихомирова, знакомый по раскопкам в Великом Новгороде с методом послойного снятия грунта и точной

¹³ Материалы и исследования по археологии Москвы. М.-Л., 1947. С. 7–22.

¹⁴ Эта подсерия входила в неперIODический сериал «Материалы и исследования по археологии СССР»; всего вышло 5 томов (первый в 1947-м, последний в 1993 г.).

¹⁵ Рабинович Михаил Григорьевич (1916–2000) – известный советский историк, археолог и этнограф. В годы войны руководил Научной библиотекой им. Горького МГУ, обучаясь в аспирантуре по кафедре археологии и специализируясь по истории и археологии Великого Новгорода, в раскопках которого принимал участие.

профессиональной фиксацией, он смог организовать на Яузе образцовые с точки зрения методики работы. Впервые в Москве культурный слой открывали без спешки, пласт за пластом, фотографируя тщательно зачищенные профили и планы, скрупулёзно точно вычерчивая их в масштабе, отбирая находки и «привязывая» их к сооружениям и пластам с подобающей внимательностью. Многие изучались впервые, как, например, кладбище XVI в. (до середины XX в. ученые обычно ими пренебрегали). Были получены данные, легшие вместе с находками в соседней Гончарной слободе в основу сплошной и подробной статистической шкалы для керамики, обычной в культурном слое Москвы. Но мысль о расположении здесь древнейшего центра города подтверждения не получила: домонгольские находки были крайне малочисленными, а жилые постройки появились не ранее XV в.

Хронотопография керамических находок в Москве. XII–XVII вв.

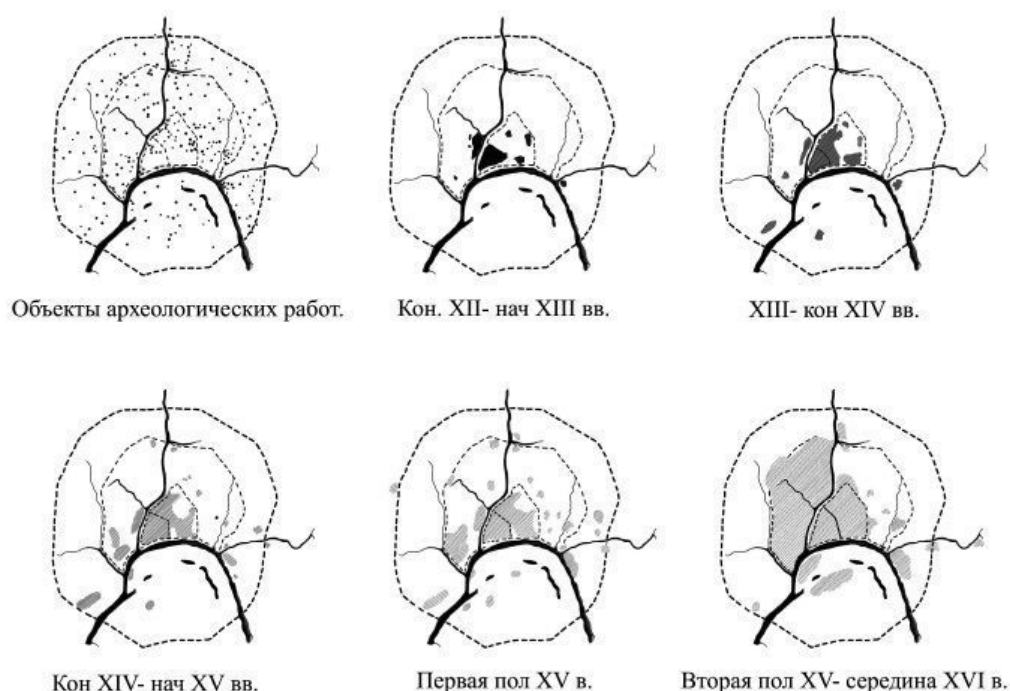

Схема освоения территории Москвы на основе керамических находок (по М.А. Бойцову).

Это были первые подлинно системные научные работы, очень быстро опубликованные (МИАМ, 1949 г.) и ставшие прочной ступенью для тех, кто продолжил полевые исследования в Москве. Кроме общей отчетной статьи, М.Г. Рабинович опубликовал и «микромонографию» «Московская керамика», легшую в основу всех дальнейших классификаций.

Одновременно оживились наблюдения над работами в городе. Они стали зоной ответственности Музея истории и реконструкции Москвы (сейчас Музей истории Москвы). Его сотрудники начали отмечать все, даже случайные, вскрытия культурного слоя в городе, заводя научный паспорт на каждую из таких точек, и готовить таким образом информационную базу. Особое направление составило усиленное изучение и каталогизация монетных кладов, которыми особенно богата Москва. Началось издание трудов музея, выпуски которых состояли в основном из исследований по археологии города и его окрестностей (издание продолжается до сих пор). Его фонды пополнялись найденными при наблюдениях в городе вещами (в 1930-х гг. они поступали в основном в Исторический музей). Особенной удачей стала обработка и

публикация В.Б. Гиришбергом прекрасной коллекции надгробий XVI–XVII вв., собранных при строительстве школы в Георгиевском монастыре на ул. Дмитровке¹⁶.

Центральным «полевым проектом» в Москве с конца 1940-х гг. должны были стать раскопки на другом (правом) берегу р. Яузы, против Котельников, в Зарядье. Их необходимость вызвала начинавшаяся ещё до войны безумная «очистка» древнейшего района посада Москвы для нового строительства (потом здесь появится гостиница «Россия», ныне снесенная). Естественно, что Московская археологическая экспедиция, «перебравшись» с одного берега на другой, продолжила свои исследования. Но М.Г. Рабинович вскоре (1951 г.) был вынужден выйти из процесса исследований: его карьеру археолога прервала начавшаяся кампания борьбы с «космополитизмом». Ученого уволили из Института истории материальной культуры по причине «несовместимости» его фамилии с должностью руководителя археологических работ в Москве¹⁷.

На посту руководителя Московской археологической экспедиции Академии наук его сменил Александр Федорович Дубынин (1903–1992), который уже в 1920-х гг., учась в МГУ, познакомился с древностями Подмоскovie (раскопки курганов у станции Клязьма (Пушкинский район) и в Черкизове. Работы в Зарядье продолжались до начала 1960-х гг. и дали материал столь же важный для археологии Москвы, как раскопки на Яузе – хотя, в отличие от них, он опубликован далеко не полностью и ждёт новых исследователей.

Однако это была уже другая историческая эпоха. Настала «оттепель». Для исследований внезапно открылся долгое время наглухо закрытый Кремль. Доступ для осмотра его древностей разрешили в 1955 г., а в 1960-х гг. потребовалось вскрыть огромную площадь культурного слоя в исторической зоне, на месте строительства Дворца съездов. Работы возглавил известнейший, но уже начинавший стареть специалист по домонгольской архитектуре Н.Н. Воронин, которого изучение городского культурного слоя не особенно интересовало и давалось с известным трудом. Реально работами руководил Рабинович, преследования которого с началом «оттепели» прекратились. Применить наработанные научные методики удалось на незначительных в сравнении с общей вскрытой площадью участках. Но и они принесли массу находок. Среди них – остатки древнего рва и основания деревянных стен середины и второй половины XII в., срубленных в разной технике. Первая стена была линией четырехстенных срубов, а следующая по времени – «хаковой» конструкцией, в которой горизонтально лежащие стволы удерживают от деформации поперечные крюки-сучья (их специально оставляют на стволах), закрепленные к грунту клиньями¹⁸. На большей части вскрытого пятна исследователи могли только наблюдать ход работ (они шли два года, 1959 и 1960), о чем позже вспоминали неохотно¹⁹. Далеко неполной оказалась и фиксация (в том числе по условиям работ на режимном объекте).

Перспективы продолжения работ в важнейшей исторической зоне между устьем рек Яуза и Неглинная рисовались самые радужные. Но они не оправдались: полевая археология в центре Москвы оставалась заложницей государственных строительных проектов. С их завершением в начале 1960-х гг. наступило затишье, специально сформированная для развития столичной археологии Московская экспедиция медленно сошла на нет, подготовленные ею кадры перешли к кабинетной или преподавательской работе, а частью, уже в очередной раз, переключились на исследование других зон и периодов.

¹⁶ Гиришберг В.Б. Надписи из Георгиевского монастыря. По материалам наблюдений Музея истории и реконструкции г. Москвы 1949 г. // Археологические памятники Москвы и Подмоскovie. М., 1954 (Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы, вып. 5). С. 95–130.

¹⁷ Он продолжал работать в Музее истории и реконструкции Москвы (в 1947–1957 гг. заведовал археологическим отделом, в 1953–1957 гг. был заместителем директора по научной части), публиковал труды, сохраняющие свое значение и сегодня.

¹⁸ Воронин Н.Н., Рабинович М.Г. 1963. Рабинович М.Г. 1964. Рабинович М.Г. 1978.

¹⁹ Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 296–302.

Хорошо, что полученные за несколько десятилетий материалы позволяли вести системный вещеведческий анализ, перейти к обобщению накопленных фактов и продолжить подготовку научных сборников и даже выпустить первые фундаментальные монографии.

Подведем итог. Основы научной археологии Москвы заложены за четверть века, за жизнь одного поколения, 1930-е гг. ушли на первичное знакомство с культурным слоем города на метрополитене. После раскопок в устье р. Яузы и первых сезонов Зарядья (1946–1953) стало возможно системное описание городских слоев, был составлен первый план системного изучения города. Сложились представления о двух разделах в археологии Москвы: слоев и сооружений XII/XIII–XVII вв. (подстилающих современный город – и окружающих или проникающих в него поселений и могильников (средневековых или более ранних, вплоть до каменного века). Культурный слой был описан, разработана типология керамики и методика её экспертизы. Выделены особые, характерные для Москвы типы предметов (белокаменные надгробные плиты с орнаментами и надписями). Начато изучение древних фортификаций Китай-города, Белого и Земляного города.

За этим стояли и более широкие результаты, важные для археологии России в целом.

Во-первых, изучение материальной культуры столицы осознали как особый раздел исторической археологии Евразии. Оно продвинулось настолько, что вошло отдельными разделами в общие курсы археологии – в оба учебника для вузов, составленные А.В. Арциховским в 1940—1950-х гг., и в репрезентативные сборники, представлявшие достижения советской археологии²⁰.

Во-вторых, сложилась московская школа археологии, во главе которой стояли сначала В.А. Городцов, а затем его ученик А.В. Арциховский. Её образовала кафедра археологии исторического факультета МГУ и Институт археологии Академии наук СССР, сотрудничавшие в изучении города с Историческим музеем, Музеем истории и реконструкции Москвы и другими. Это была та же школа, которая «отвечала за археологию» по всей гигантской тогда стране, от Карелии и Сибири до Молдавии и Закавказья, рассылая во все концы экспедиции и создавая на их основе местные научные школы и направления археологии Евразии.

Для этой научной школы работа в Москве с её окрестностями служила полигоном, богатым всеми видами памятников начиная с эпохи неолита. Именно на московском материале проходили практику, начинали самостоятельную полевую и лабораторную работу ученые, составившие славу советской археологии, ставшие лауреатами Государственных премий, профессорами, академиками. В начале их пути в науку неизменно лежали разведки и раскопки курганов, городищ железного века и стоянок эпохи неолита, участие в наблюдениях за земляными работами в центральных районах Москвы и раскопках Московской археологической экспедиции.

Но в самой Москве археология обрела противоречивый и драматичный характер. Исследования шли неровно, даже лихорадочно. На линиях метро культурный слой уничтожали сразу на всю глубину, но именно это позволило сразу выявить его главные особенности, составить общее представление о научных перспективах. Они обнадёживали: деревянные срубы и мостовые, городские некрополи с белокаменными надгробиями, клады и целые залежи керамической посуды у горнов Гончарной слободы. Возможность публикаций стимулировала интерес учёных, привлекала их к городу. Но археология древней столицы оставалась заложницей городского хозяйства и бурного развития «Москвы – столицы СССР». Это свойственно археологии любого мегаполиса, усиленное своеобразием социальной жизни в СССР. Меняющаяся быстро и под неустанным надзором власти Москва была мало приспособлена к ведению археологических работ, требующих спокойной обстановки и протяженности во времени. Почти замер-

²⁰ Такие как парадный двухтомник «По следам древних культур». Статья о Москве написана для него М.Г. Рабиновичем, вынужденно выступившим под псевдонимом «Григорьев».

шие Суздаль, Ростов, Переяславль, не говоря о городищах типа Старой Рязани, повреждены меньше, а работать удобнее: нет многометровой толщи техногенного балласта, не надо применяться к срокам вечно опаздывающих или, наоборот, опережающих строителей, противостоять мертвящим запретам.

Периоды «героических штурмов» московских древностей сменяли долгие годы затишья. В результате, хотя общее поступательное движение продолжалось, развитие археологии Москвы в последней трети XX в. разделилось на два потока: полевые работы, зачастую связанные с вынужденными, диктуемыми обстоятельствами обширнейшими вскрытиями, и фундаментальные аналитические научные исследования разведочного и отчасти охранного характера. Первые дают небольшой научно-информационный выход (особенно в сравнении с масштабами переработки культурного слоя), но стремятся играть роль в общественной и культурной жизни. Вторые сопровождаются введением в науку новаторских методов, глубокой проработкой получаемых материалов и завершаются фундаментальными публикациями. Каждая такая монография – настоящий научный прорыв, в конечном итоге оказывающий воздействие не только на науку, но и на культуру города. Наблюдать за развитием этих направлений в последние полвека проще не в рамках хронологии, а по историческим частям и отдельным урочищам города, а также наиболее крупным городским проектам и научным проблемам.

От объектов к проектам: археология Москвы за последние полвека

Вернемся в Москву, которую мы оставили в 1960-х гг. К концу этого десятилетия темп даже строго ограниченных «дозволенными сроками» работ начал спадать. В археологии огромного города наступило затишье. Московская экспедиция, так и не опубликовав в полном объёме прекрасный материал Зарядья, перенесла работы в область. Особое значение приобрели раскопки и разведки вокруг города (Недошивина Н.Г., Розенфельдт Р.Л., Смирнов К.А., Успенская А.В., Юшко А.А. и др. См.: АКР. 1994). Вне стен Кремля работал теперь, почти в одиночку, Музей истории и реконструкции Москвы (МИИРМ). На всё менее доступных исследованию стройках копать становилось так трудно, что в прокладке Нового Арбата археологи просто не участвовали. Научные исследования ограничивались теперь музейной работой и составлением сводов, но именно это и обеспечило продвижение вперёд. Выходили просто написанные книги для краеведов, велась работа с молодыми археологами в кружке, через который прошли многие юные любители старины, работая на курганах и городищах по окраинам города. Кружком и отделом археологии МИИРМ руководил в те годы А.Г. Векслер, он же писал популярные книги и бесчисленные газетные статьи, упорно убеждая руководство города, его жителей (и даже коллег) уделять внимание культурному слою. Александр Григорьевич столь же упорно вёл, пусть в ограниченных масштабах, наблюдения за вскрытиями культурного слоя города и собирал материал для новой археологической карты. Это обеспечило передачу традиций изучения Москвы от 1950-х к 1980-м гг.

Кроме того, продолжалась начатая М.Г. Рабиновичем разработка базовой отрасли всякой почти археологии – керамической стратиграфии. При её построении исходят из предположения, что фрагменты битой посуды, выпавшие в слой в любой части города в одно и то же время, имеют очень похожий состав. Обычно это допущение эмпирически подтверждается. Подсчитав количество черепков всех типов в слое и сравнив со слоями из других мест города, можно понять, когда они туда попали. Сравнив стратиграфические (то есть послойные) разрезы в нескольких районах и сопоставив их наборы фрагментов, можно составить общую типохронологию – ведь битой посуды много везде.

Однако как выделить отдельные типы и как их изначально датируют? Выделяют по качеству и форме сосудов (или их черепков), а дату получают, опираясь на другие находки (монеты, печати) того же слоя, на последовательность слоев и их связь с сооружениями, даты которых известны (есть и другие способы, но мы говорим сейчас о тех, что применялись в середине XX

в.). Эту огромную работу по сопоставлению провел М.Г. Рабинович, опубликовав внутри сборника материалов по работам в Кремле (Древности. 1971) целую монографию с таблицами форм сосудов, статистическими формально-технологическими подсчетами фрагментов по слоям и с общей характеристикой городской стратиграфии. В основе лежали находки в Гончарной слободе, которая стала со второй половины XV в. настоящим фабричным районом и продолжала выпускать достаточно однородную керамику до конца XVII в. Параллельно этой работе Р.Л. Розенфельдт подготовил специальный свод и историю московской керамики (Розенфельдт Р.Л. 1968). Теперь стало возможным составлять типовые статистические таблицы, внося в их клетки количество фрагментов из слоя. Такую работу мог делать студент-лаборант, на обучение которого уходило всего несколько дней, а результатом становилась точная дата слоя или сооружения в нём. Сегодня трудно себе представить, что таких таблиц ещё в 1950-х гг. просто не существовало, настолько прочно они вошли в практику современной полевой археологии.

Кроме керамики, изучали и другие предметы, прежде всего монеты и клады, состоявшие из них (и вообще ценных для наших предков предметов). Эти работы лежали в общем русле развития русской нумизматики и велись прежде всего в Историческом музее известным нумизматом А.С. Мельниковой; многие из работ того времени в переработанном виде выходят до сих пор (Векслер А.Г., Мельникова А.С. 1988. Veksler A.G., Melnikova A.S. 1993). Особое направление в археологии составило изучение древностей погребального обряда, прежде всего надгробий и каменных гробов-саркофагов. Первые обширные своды этих материалов принадлежали исследователям из музеев Б.В. Гиршбергу (Исторический музей) и Т.Н. Николаевой (музей г. Загорска, ныне Троице-Сергиеве); позже на их основе и с привлечением новых материалов появится специальная серия изданий²¹.

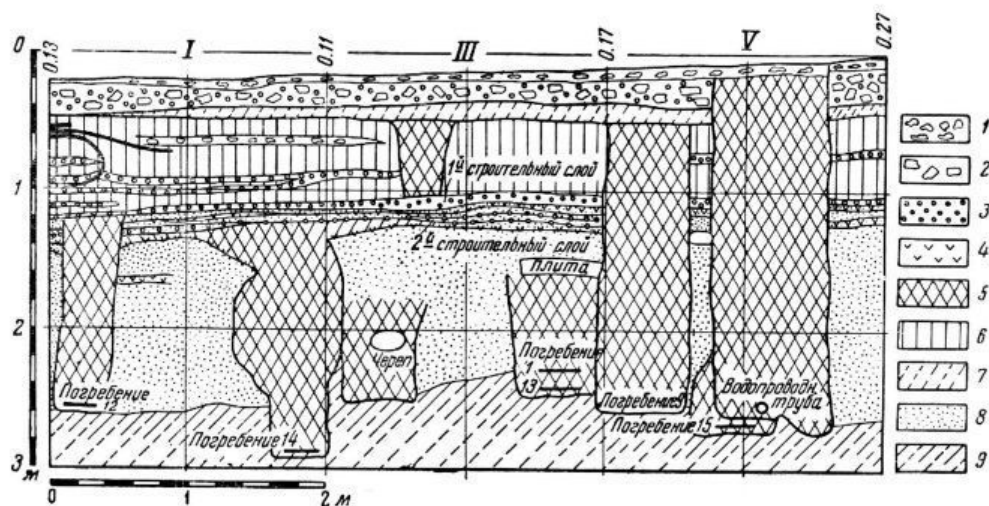

Рис. 3. Западный профиль раскопа I

1 — шлак; 2 — кирпич; 3 — известь; 4 — уголь; 5 — перекоп; 6 — культурный слой бурый сыпучий; 7 — желтый песок; 8 — желто-серый гумированный песок; 9 — желтый материковый песок

Один из первых стратиграфических разрезов культурного слоя Москвы: 1953 г., раскопки М.Г. Рабиновича на устье Яузы (на месте дома на Котельнической набережной)

²¹ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996; [Беляев Л.А., автор-составитель], Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006.

Конечно, археология – это не только вещеведение. Но переход от него к историко-культурным, социальным и даже топографическим обобщениям очень труден, поскольку археологический материал всегда очень дискретный: некоторые точки изучены подробно, но между ними – огромные пространства и периоды, о которых неизвестно ничего. Их можно соединять с помощью других, не-археологических, материалов (летописей и актов, карт и других изображений), но при этом возрастает опасность ошибок, многие пути оканчиваются тупиком или даже ловушкой, в которую попадает недостаточно подготовленный ученый. В то же время специалистов, одинаково уверенно чувствующих себя в вещеведении и стратиграфии, естественных науках и летописании или изучении актов, крайне мало, если они вообще есть. Поэтому доброкачественных историко-археологических обобщающих работ обычно публикуется немного, и очень жаль, когда они остаются неопубликованными.

Первая типо-хронологическая таблица керамики средневековой Москвы. М.Г. Рабинович, 1970-е гг.

Такой оказалась судьба одного из первых фундаментальных исследований по археологии Москвы – диссертация и книга Доротеи Александровны Беленькой, посвященная ближайшему к Кремлю древнейшему посаду, Китай-городу. По не имеющим отношения к науке причинам эта доброкачественная работа не была ни защищена, ни опубликована, хотя уже не одно

поколение археологов активно пользовалось её архивной копией. Основанный на результатах уже знакомой нам работы Московской экспедиции в Зарядье, труд впитал данные надзора и на других строительных площадках. Фактически это была первая попытка составить историю большого и важного района Москвы на основе сводки археологических, текстовых и картографических данных. Беленькая сопоставила данные важных наблюдений Ф.А. Дубынина в области церковной археологии (остатки подклета храма Жён Мироносиц XV–XVI вв. и кладбища при ней, существовавшего 200–250 лет), определила методы восстановления уличной сети, усадебной застройки, благоустройства; гораздо подробнее были изучены вещи на посаде. Этот анализ позволил установить время формирования посада: не ранее XII–XIII вв.

Тем самым вносилась существенная поправка в господствовавшее после работ в центре города мнение М.Г. Рабиновича о существовании Москвы как города если не в X, то по крайней мере в XI в. Спорная тема приобрела в конце 1950-х – середине 1960-х гг. особую остроту. Раннюю дату отстаивали археолог Музеев Кремля в 1970-х гг. Н.С. Шеляпина (Владимирская) и А.Г. Векслер (он защищает её до сих пор; в популярной литературе она иногда встречается и сейчас). Однако на отсутствии в пределах центра Москвы культурного слоя и существенного количества находок не только XI, но и первой половины XII в. настаивала не только Беленькая, но и другие строгие аналитики-вещеведы (А.В. Куза, Р.Л. Розенфельдт, Т.В. Равдина). В наши дни общее углубление знаний о Древней Руси всё более убеждает в правильности их позиции. Её можно считать принятой в среде специалистов – достаточно назвать академика Н.А. Макарова, Т.Д. Панову²² и многих других (включая автора этой статьи); с ней всегда были согласны историки (М.Н. Тихомиров, в наши дни – В.А. Кучкин).

Конечно, для решения этой проблемы важнее всего было бы полное исследование сердца средневекового города, Кремля, особенно Боровицкого холма. Но Кремль был закрытой режимной зоной, доступа к которой археологи не имели с 1918 г., когда сюда въехало советское правительство, здесь же в основном и квартировавшее. Больше, на что можно было рассчитывать здесь до 1955 г., – экспертиза случайно обнаруженных древностей, особенно кладов (хотя строительство здесь велось: со стороны Спасских ворот построили военную школу ВЦИК; в 1941 г. широкие раскопки вели между зданием Арсенала и корпусом Судебных установлений; были разрушены многие церкви и монастыри, а их места застроены). Раскопки 1959–1960 гг. на месте Дворца съездов, о которых уже говорилось, также не были полноценными, их материалы только подливали масла в огонь дискуссии.

Серьёзные сведения о раннем периоде жизни города давали реставрационные работы конца 1950–1970-х гг. (ЦНРМ, 1963–1968 гг. и другие) и более-менее постоянный общий надзор за работами на Боровицком холме, который после создания Музеев Московского Кремля стремились вести регулярно, хотя возможность доступа к слою и применение научной методики были всегда крайне ограничены. Эти в общем эпизодические наблюдения и освоение накопленного в архивах и в музейных хранилищах позволило археологам Музеев Московского Кремля в 1970–2010-х гг. создать целый ряд работ самого широкого спектра, от научно-аналитических (первая диссертация по археологии Кремля, защищенная Н.С. Владимирской, хотя в большей части также не опубликованная; последовавшая за ней в 1990-х гг. и недавно опубликованная докторская диссертация Т.Д. Пановой) до популярных и даже детских, таких как её же «Древний Кремль» (М., 2009), очень ярко и наглядно рисующий прошлое.

Само археологическое богатство Кремля делало постоянные «взносы» в копилку научных сведений. Так, один за другим (1988, 1991) были впервые в Москве обнаружены два клада, состоявшие в основном из серебряных украшений XII–XIII вв. и скрытых, возможно, в ожидании штурма города отрядом армии Бату-хана (1238). Их полная интерпретация всё ещё

²² Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI в. М., 2013.

впереди. Однако интерес вызывает не богатство и даже не высокий художественный уровень отдельных предметов, а место их сокрытия – в северо-восточной части Кремля, вблизи крепостной стены конца XV в., то есть на участке, в то время, по представлениям историков, не огороженном кремлевскими стенами, как бы на посаде древней Москвы. Наблюдения в Кремле постепенно убедили, что время чрезвычайно бурной жизни, оставившее богатый культурный слой примерно метровой толщины, – это XIII в. Вывод звучал парадоксом: в это время ожидалось запустение после монгольского разгрома. Однако именно такой вывод наилучшим образом вписался в современные представления о бурном расцвете, охватившем земли не одной только Руси, но и Европы с конца XII в. В Москве он продолжился по крайней мере до конца XIII столетия.

Однако обидное несоответствие сохранялось: центр главного города России был изучен гораздо менее системно, чем в других городах. Их даже трудно было сравнивать из-за отсутствия единообразия методов исследований. Только в 2007 г. Институту археологии и Музеям Московского Кремля удалось добиться организации системных профессиональных раскопок на значительной (более 800 м²) площади. Это был подлинный прорыв. Работы велись на приречной подошве Боровицкого холма (в северной части Подола, Тайницком саду), но активность жизнедеятельности оказалась здесь не меньшей, причем слои, в отличие от вершины холма, насыщала влага, консервирующая остатки сооружений из дерева. Стало видно, как устроены настилы улиц и водостоки, нижние части домов и лестницы, полы и стенные засыпки, слабые следы которых археологи обычно открывают в сухом слое города. Так возникла модель для сравнения и была впервые подробно, на значительном участке, изучена планировка средневековой Москвы на протяжении 400–500 лет непрерывного развития (до XVI в.). Древнейшие из открытых слоев не восходят ранее конца XII в., что не позволяет считать прибрежную часть Кремля зоной, из которой началось освоение и заселение Москвы славянами (такая гипотеза существовала). Однако толща культурных напластований (до 10 м!) сопоставима с самыми развитыми городами Руси и хорошо стратифицирована.

Впервые стало возможным изучить жилую застройку с дворами москвичей, их колеблющиеся, но в целом веками устойчивые границы, отмеченные частоколами, и дома, которые по 3–4 раза сменяли один другой, их печи и подполья, мастерские и кладовые. Поражительной оказалась уже густота застройки в XIV–XV вв.: было открыто 140 объектов, из них более половины – жилые дома. Удалось подробно исследовать домостроительство Москвы второй половины XIII–XV вв., особенно конструктивные особенности подполий со стенами из мощных срубов и деревянными лестницами, ведущими в глубь погребов. Традиция сооружения таких погребов под наземными срубами возникла на юге Руси, в Среднем Поднепровье; в XII в. ее восприняла Владимиро-Суздальская Русь и, соответственно, Москва.

Слой предстал предельно насыщенным вещами (учтено 50 000 образцов керамики и около других 4000 предметов), дорогими украшениями, инструментами, оружием – представление о «бедности» Москвы и её материальной культуры развеялось. Впервые благодаря сохранности органики достойное место заняли вещи, отражающие уровень бытового комфорта. Около 500 вещей сделаны из дерева и кожи (сумки, седла, обувь) – в древности они составляли огромную долю в хозяйстве каждого москвича, но всё ещё очень мало известны. Качество их исключительно: они очень функциональны, красивы, часто раскрашены и расшиты изысканными орнаментами. Было собрано также разнообразное и обильное воинское снаряжение, в том числе крайне редкие вещи, говорящие о высоком положении владельцев усадеб (видимо, профессиональных воинов): золотой перстень с гранатом, оружие – кольца и пластины доспехов, наконечники стрел, стремяна и шпоры, перекрестья сабель, боевой нож. Это, конечно, естественно для города-крепости, какой долго оставалась Москва. Редкие образцы церковного искусства (стеклянные иконки; штамп для тиснения кожаных монашеских поясов) расширили представление о духовном мире москвичей.

Город оказался не просто богатым – он обнаружил устойчивые и разнообразные внешние связи. Археологи явно открыли остатки одного из торговых центров Восточной Европы, слой которого насыщен товарами как Запада (монеты и свинцовые товарные пломбы для тканей древнерусского и европейского происхождения), так и Востока (поливная и иная керамика, в том числе алхимическая и медицинская посуда; резные костяные накладки «степных» колчанов).

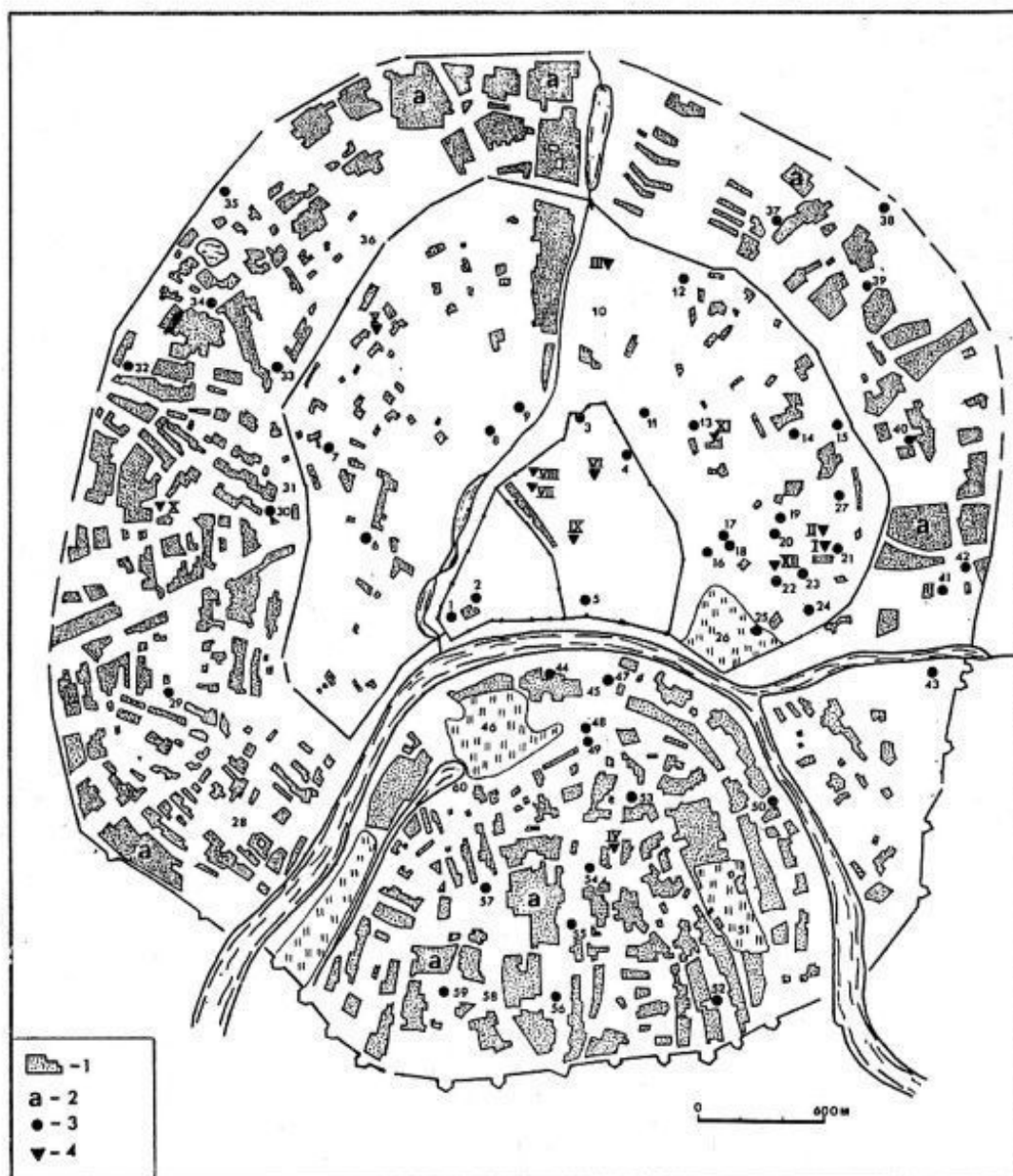
При работах был собран огромный материал для естественно-научных исследований: спилы дерева для построения шкалы дендрохронологии; зерно и пыльца растений; редчайшие антропологические находки (остатки сгоревших в московских пожарах людей, сохранивших мягкие ткани и внутренности); огромная остеологическая коллекция, в составе которой, например, редкие для этих широт и для российской среды кости верблюда.

Не только сенсационной, но подлинно уникально ценной для науки находкой на кремлевском Подоле стали новые берестяные грамоты. Они окончательно ввели Москву в круг древних центров, список которых возглавляет Новгород. Третья (по московскому счёту) грамота оказалась самой длинной (52 строки) из всех известных в Древней Руси и к тому же была написана хоть и на бересте, но чернилами. Это опись имущества знатного человека по имени Турабий, по-видимому, вышедшего на службу в Москву с Востока (из Орды?) вместе с несколькими членами семьи и слугами (часть их, как и он сам, носит восточные имена: Елбуга, Байрам, Ахмед). Опись составлена управляющим его хозяйством. Документы по истории Москвы этого времени исключительно редки, а эта грамота вообще первый хозяйственный документ конца XIV – начала XV в. из Московского Кремля, дошедший в оригинале.

Кроме двора на Подоле Кремля, Турабий имел владения под Суздалем. В описи названы слуги Турабия («молодые люди»), которым за службу платят серебром, и «страдники» (зависимые крестьяне), перечислен домашний скот, крупные бытовые предметы, такие как «котел пивной железен» и «котел медян ведра в два» (вероятно, для приготовления больших объемов пищи и питья). Особенно точно описаны лошади Турабия, составлявшие важную часть имущества воина-феодала (названы их масти: вороные, гнедые, чалые, карие, бурые, пегие). Выделены кони для верховой езды и для работы («страдные») лошади; упомянуты 26 коней суздальского табуна, переданные некоему Кощею при свидетелях, в числе которых Федор, игумен Ильинского монастыря. Доказательством того, что Турабий и его «молодые люди» – воины служат находки предметов вооружения и конского снаряжения.

Таким образом, раскоп на Подоле дал возможность глубже понять контекст московской жизни эпохи возвышения Москвы, становления Московского государства и культуры XIII–XV вв. – полнокровной, жизнеспособной, многогранной. К сожалению, и эти столь яркие и фундаментальные научные работы до сих пор не получили продолжения и не повели к развитию археологической службы в Кремле. Из других археологических проектов там крайне интересны результаты обработки ранее собранных коллекций и неопубликованных материалов, а также упорный труд по изучению саркофагов и остатков погребений XV–XVII вв. из собора Вознесенского монастыря, где хоронили женщин из великокняжеских и царских семей²³.

²³ Результаты этой важнейшей работы представляет многотомник «Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля», из которого вышел пока первый том (М., 2009).

*Сады, поля и огороды, сохраняющиеся в черте Садового кольца в XVII веке.
Реконструкция ландшафта по данным археологии Н.А. Кренке*

Уйдем теперь из Кремля, чтобы бросить взгляд на город в целом. Перерыв в активной полевой деятельности тянулся вплоть до конца 1970-х гг., когда число «археологических эпизодов» дополнили сначала реставрационные исследования и разведки, а затем, с 1980-х, огромные охранные вскрытия, охватившие большую часть старой Москвы и новые районы. С конца 1970-х гг. в Москве, параллельно группе МИИРМ, начали работать молодые тогда специалисты по археологии Древней Руси: Т.Д. Панова, Л.А. Беляев, чуть позже Н.А. Кренке и С.З. Чернов. В это время город начал готовиться к Олимпиаде (1980), а затем и к 1000-летию крещения Руси. Требовалось привести в порядок многие районы, среди которых оказалась важная в археологическом отношении юго-восточная зона Москвы с давно известными памятниками: Дьяковым городищем, Даниловым монастырем, селом Коломенское.

Один раз начатые, эти исследования продолжились и, хотя с перерывами, идут до сих пор. Параллельно анализируются их материалы, что само по себе занимает десятилетия. Например,

фундаментальная монография Н.А. Кренке «Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» (М., 2011) потребовала тончайшей разборки многометровой толщи прослоек с их содержимым, причем речь не только о вещах: нужны экспертизы биологических (пепел и зола истлевших или сгоревших растений, кости животных, остатки древних насекомых) и минеральных включений, состава почвы, изотопный и много других анализов. Впрочем, и вещеведение требует сопоставления многих тысяч предметов на пространстве как минимум Восточно-Европейской равнины, рассеянных в сотнях публикаций. Зато в результате оказалось возможным впервые выстроить надежную хронологию, судить о развитии обмена у «дьяковцев» (а ведь они – современники, и не такие уж удаленные географически, цивилизаций Древней Греции и Рима), об освоении ими пространства Подмоскovie, о соотношении скотоводства и земледелия, об использовании природных ресурсов и вносимых изменениях в ландшафт, о быте (домах, посуде – а следовательно, и о диете), отчасти – о верованиях и семейном устройстве.

Работу по археологическому изучению исторических ландшафтов удобно было проводить в заповедных зонах Москвы, в её парковом поясе. Наряду с землями заповедника «Коломенского» (сейчас в составе МГОМЗ) удачными оказались работы в Царицынском парке, начатые Н.А. Кренке в 1980-х гг. и особенно активные в годы реконструкции дворца²⁴. Здесь удалось изучить новые поселения бронзового и железного веков и, главное, систему освоения пространства древнерусской деревней (небольшими группами совместно существовавших дворов). На берегах речки Язвенки были открыты участки пашни, прослежены направления пахоты и размеры освоенных «наделов», установлена последовательность использования (вместо поля – деревенское курганное кладбище). Отныне характеристика древней поверхности (пашня, огород, сад, выгон) стала обязательна при работах, а историко-географический подход, сочетающий письменные, картографические, топонимические данные с геологическими и палеогеографическими (геоморфологическими, палеопочвенными, палеофитологическими, палеозоологическими, эколого-геохимическими), фактически оформился в новое направление, возглавленное сектором археологии Москвы.

Фундаментальная и, фактически, не имеющая временных рамок работа по сбору археологической и палеоландшафтной информации шла по всей территории постоянно расширявшейся свои границы Москвы. И делать такую работу нужно было срочно – ведь в ходе освоения новых территорий город в буквальном смысле стирает с лица земли древние памятники, да и на старых площадках строительство не останавливалось, постоянно перемалывая, уничтожая огромные участки культурного слоя и остатки зданий.

Как много новой информации можно получить, изучая находящиеся под угрозой уничтожения памятники сельской округи Москвы, показали раскопки объектов у д. Мякинино (Красногорский район) и могильника Новоселки-2²⁵ (на участке дороги Москва – Санкт-Петербург). Мякининский комплекс включает три селища раннего железного века и восходящую к сере-

²⁴ [Кренке Н.А.] Археология парка Царицыно. По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. М., 2008.

²⁵ Курганная группа Новоселки-2 на берегу р. Клязьмы (Химкинский район) замечательна тем, что из её 20 курганов не были ранее потревожены 18. Раскопки (2008 г.) раскрыли все погребения, пространство между ними и соседнее поселение, которому, вероятно, принадлежало кладбище. 20 курганов (вторая половина XII – первая треть XIII в.) содержали останки 29 погребенных: 12 взрослых мужчин, 11 женщин, 6 детей. Они лежали в могильных ямах глубиной от 30 до 130 см, в деревянных гробах или в обертке из бересты (иногда ею обернуты сами гробы). Все гробы – дубовые, как и угли в заполнении могильных ям, но в ровиках курганов встречены только угли ели, березы, ивы, сосны и осины. Покойных клали в характерном для подмосковных вятичей уборе из семилопастных и перстнеобразных височных колец, бус из сердолика, хрусталя и стекла, браслетах, перстнях и витых шейных обручах-гривнах. Редкие находки – остатки шерстяной с клетчатым орнаментом ткани в мужском погребении и тесьмы с золотым шитьем в женском, уникальны остатки кожаной обуви (в двух курганах) и четыре стеклянные подвески (возможно, из киевских мастерских). Под многими насыпями сохранились следы пашни. Курганы возводили в строгой последовательности, вероятно, двумя семьями, хоронившими своих покойных в южной и северо-западной частях кладбища.

дине XII в. группу из трех же селищ и курганного могильника, а также остатки полевого стана XVI в. Все они лежат в излучине правого берега р. Москвы, между историческими селами Строгино и Спас-Тушино²⁶. Изучена вся сохранявшаяся часть селища Мякинино-1 (середина XII – вторая половина XV в.), что превратило его в самое полно исследованное сельское поселение русского Средневековья. Уникальность работ в том, что одновременно раскапывалось и курганное кладбище начального этапа заселения (до первой половины XIII в.), то есть времени становления княжеской крепости на Боровицком холме. На поселении Мякинино-1 раскрыты остатки более 200 построек, а из фрагментов керамики составлено несколько десятков археологически целых сосудов. Поселение когда-то выделялось из массы подобных и размерами, и составом находок. Жители явно относились к привилегированному слою и владели бронзовыми крестами-реликвариями, амулетами-змеевиками, каменными иконками, поясами с металлическим набором. К их столу привозили византийские амфоры с маслом или вином, золотоордынские поливные чаши, русские художественно выполненные сосуды (в том числе поливной сосуд с рельефным изображением гуслира и гудошника), не говоря уж о более обычных стеклянных браслетах, перстнях и бусах, шиферных пряслицах и височных кольцах, замках и ключах от них.

Но собрать информацию мало, необходимо её осмыслить и сделать инструментом охраны и дальнейшего изучения исторического прошлого. Нужен был новый вид археологической карты Москвы, которая синтезирует сведения о случайных находках и о больших раскопках, о древнем рельефе и ландшафте, о топонимах (названиях местностей) и хотя бы позднесредневековых поселениях, границах владений и прочем, что только возможно найти. Первые варианты такой карты будут представлены не только в археологических, но и в географических изданиях. В более развитой форме она вошла в трехтомную «Историю Москвы» (М., 2007), а со всеми комментариями и сводкой памятников – в первый том серии «Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты» (М., 2004–2006, премия Президиума РАН им. И.Е. Забелина в 2010 г.)²⁷. Однако сбор сведений и выработку методики для создания такой карты начали ещё в 1970-х гг. ученые, вскоре объединившиеся в сектор археологии Москвы Института археологии РАН (далее ИА РАН).

Так можно было работать на периферии всё разраставшейся Москвы. Но в центре огромного мегаполиса широкие раскопки до конца 1980-х гг. оставались невозможными, да и система организации археологических работ в городе оставалась прежней, то есть по сути отсутствовала. Социальная обстановка постепенно менялась, власть была вынуждена прислушиваться к мнению горожан и общественных организаций – в том числе в вопросах изучения культурного слоя. Очевидной стала и неизбежность капитальной реконструкции архитектуры и городского хозяйства столицы – её проведение без участия археологов нанесла бы непоправимый ущерб науке. Тревожным сигналом прозвучало открытие строителями в 1987 г. белокаменных опор Кузнецкого моста (архитектор Дм. Ухтомский), едва не приведшее к их разрушению. В печати зазвучали активные протесты москвичей, поддержавших археологов (Векслер А.Г. 1986).

²⁶ В 2002–2006 гг. Подмосковной экспедицией ИА РАН (А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль и другие) раскопаны селища Мякинино-1 и 2 и 23 насыпи курганного могильника.

²⁷ Сектор занимается, конечно, не только полевой, но и глубоко фундаментальной наукой, выпускает новые тома «Материалов и исследований по археологии Москвы» (в том числе базовый сборник «Московская керамика: новые данные по хронологии»), серии «Культура средневековой Москвы. XIV – XVII вв.», «Русское средневековое надгробие» и другие.

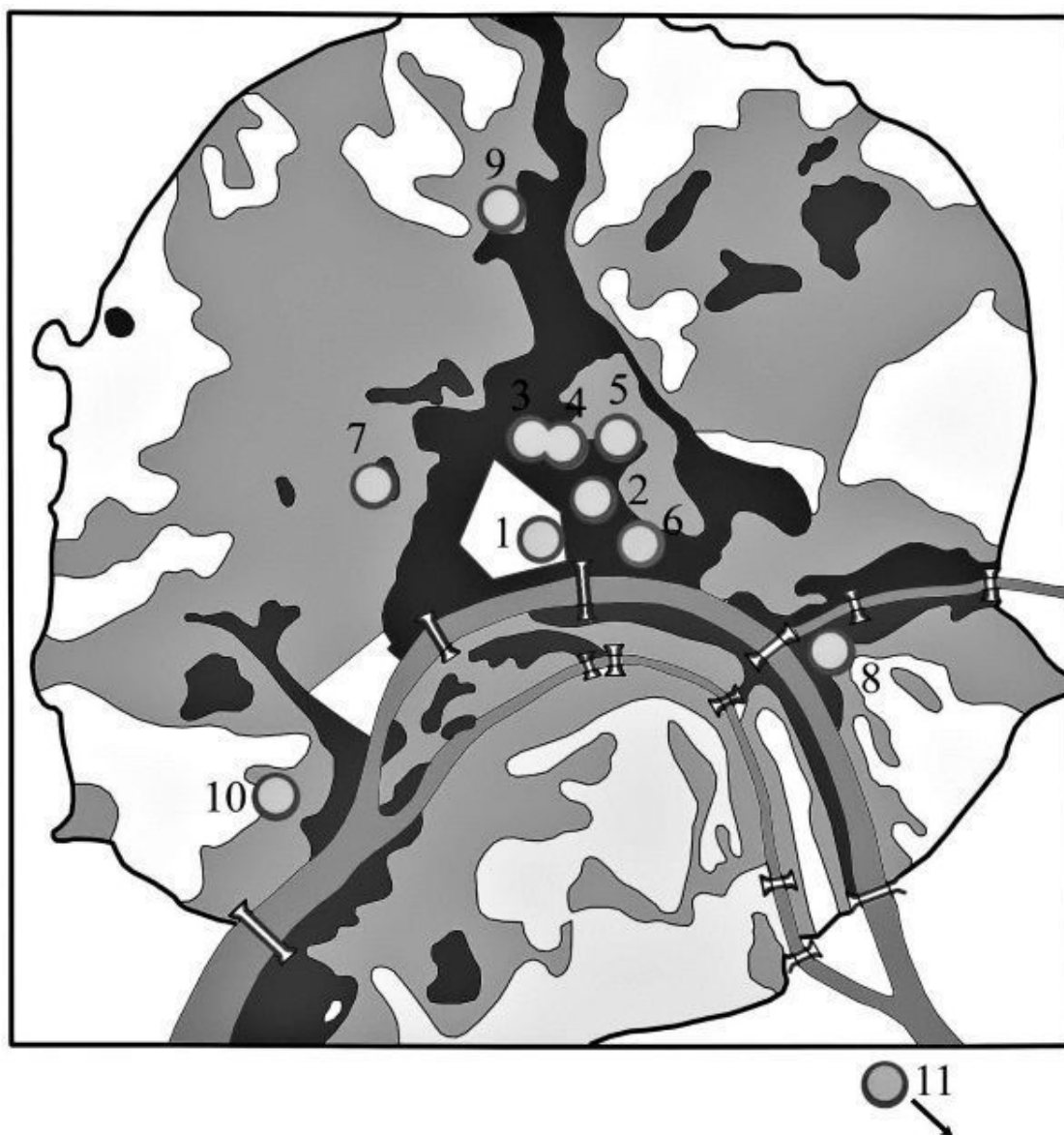

Схема мощности культурного слоя Москвы в границах Садового кольца и объекты стационарных исследований Института археологии РАН.

1 – Кремль (1959, 2007); 2 – собор Покрова на Рву (2002–2005); 3. – Исторический (Воскресенский) проезд (1989, 1994); 4 – Казанский собор на Красной площади (1989–1992); 5 – Богоявленский за Торгом монастырь (1983–1989); 6 – Зарядье (1949–1956, 2006–2007); 7 – Романов двор на Моховой улице (1996–2002); 8 – Устье Яузы и Гончарная слобода (Котельническая набережная) (1939–1953); 9 – Высоко-Петровский монастырь (1979–1983); 10 – Зачатьевский Алексеевский монастырь на Остоженке (2003–2012); 11 – Данилов монастырь (1983–2007) и памятники архитектуры Коломенского (1976–2006).

Новый период в археологии Москвы открыли совершенно неожиданные раскопки МАЭ в 1988 г. в Воскресенском (тогда Историческом) проезде на Красную площадь. Острый конфликт, возникший между строителями и охранными организациями, привлек внимание прессы и всего города. Удача работ довершила дело. Тщательность раскопок, прекрасные находки (в их числе – первая в Москве берестяная грамота), строгие и неожиданные выводы²⁸

²⁸ Обнаружилась слон XIII–XV вв., перекрытые слоем пожара 1493 г.; было впервые доказано, что площадь перед стенами новой Кремлевской крепости конца XV – начала XVI в. была замощена мелким булыжником по глине и здесь более столетия

воочию доказали всем, какими научными и культурными ценностями обладает земля столицы и как необходим профессиональный подход к её изучению. Учёные оказались готовы к бурному старту, поскольку именно в эти годы в науку пришло новое поколение, воссоздавшее Московскую археологическую экспедицию (МАЭ) и сектор Москвы в ИА РАН.

Важность изучения уничтожаемого при строительстве культурного слоя осознала и администрация. В 1988 г. была создана городская археологическая служба²⁹ и принято особое постановление, позже подкреплявшееся новыми документами³⁰. Установленное обязательное согласование земляных работ органами охраны наследия официально ввело археологию в круг инженерно-строительных работ. Сложилась ситуация для баланса интересов ученых, деятелей культуры и администрации, ответственной за развитие города. В последующие годы городская служба, руководимая главным археологом Москвы (первым в этой должности стал А.Г. Векслер), организовала целый ряд огромных по площади вскрытий в разных частях города. Наиболее значительные из них в Занеглименье – Манежная площадь³¹ и, позже, здание Манежа³²; Никитская улица³³; участки Георгиевского монастыря; в Китай-городе – Гостинный двор; трассы улиц Ильинка³⁴ и Никольская; Теплые ряды; участок церкви Троицы в Полях; значительные участки в Замоскворечье (в том числе – в Кадашах) и многие другие. Это привело к значительному возрастанию переработанного материала и созданию новых археологических экспозиций, включая музеефицированные руины. Однако только по некоторым из этих работ были опубликованы материалы, причем в основном обзорного и в одном случае (Теплые ряды³⁵) археологический отчет. Специальных научных задач в ходе этих вскрытий не ставили, а соотношение «скорость – объем» было крайне неблагоприятным для научных исследований, которые требуют исключительно серьезного и ответственного отношения к сбору информации. Судить о вкладе этих, ведущихся уже треть века, интенсивных работ в фундаментальную науку пока рано.

Близкие по масштабам полевые проекты, более отвечающие требованиям тщательности, скрупулезности, неспешности, полной обработки и публикации результатов, осуществлял и

ничего не строили. Установление линий постройки срубных жилищ второй половины XIII в. показало, что направление улиц посада тогда было иным, чем сложившееся в XVI–XVII вв. (Чернов С.З. 1989, 1991. Чернов С.З., Бойцов И.А. 1992.)

²⁹ Центр археологических исследований (ЦАИ), впоследствии неоднократно менявший названия и структуру.

³⁰ Решение Исполкома Моссовета № 2854 от 27.12.1988 г. «Об обеспечении сохранности памятников археологии и упорядочении археологического надзора» требовало: «Обязать заказчиков, производящих работы по строительству, реконструкции и реставрации на территории г. Москвы, передавать проектно-сметную документацию на производство земляных работ подрядным организациям только после археологического согласования. При подготовке заданий на проектирование предусмотреть натурные археологические работы на стадии предпроектных изысканий».

³¹ Раскопки на Манежной площади (ЦАИ, 1993–1995 гг.) отличал необычный масштаб (более 30 тыс. кв. м) при очень сжатых сроках. Работы открыла серия из 10 раскопов (всего ок. 1300 кв. м.), которые служили «зондажами» и размещались по разработанному историко-археологическому опорному плану. Внимание было сосредоточено на немногих хорошо сохранившихся зонах слоя и архитектурных сооружениях. Сохранность слоя составила около 30 % общей площади при значительной (до 8 м) глубине. Слой сохранился между домами XIX–XX вв. – под улицами, тротуарами и дворами. Заселять склон между Красной горкой и р. Неглинной начали не ранее рубежа XV – XVI вв., однако узкая полоса вдоль Неглинной была освоена уже в домонгольское время. Интересны и остатки монументальных сооружений – собора Моисеевского монастыря и Воскресенского моста через р. Неглинную (последний удалось сохранить на месте, превратив в центральный экспонат подземного музея). Кладбище Моисеевского монастыря XVII–XVIII вв. позволило изучить более 600 погребений, причем на части сохранились шитые высокохудожественные покровы.

³² Популярный рассказ о работах: Векслер А.Г. Манеж и Манежная площадь Москвы. Горизонты истории. М., 2012.

³³ На Большой Никитской улице (1990–1993 гг., ЦАИ) получены сведения о сооружениях, стоявших на протяжении 500 метров по древней Волоцкой дороге. При работах был обнаружен клад серебряных монет XV – XVI вв. (831 экз., московская, новгородская, псковская, тверская чеканка) и другие редкие находки. (Векслер А.Г., Коваль В.Ю. 1991. Векслер А.Г., Зайцев В.В. 1995 и 1996.)

³⁴ По оси улицы Ильинки от Красной площади до линии Китай-города (1995 г., ЦАИ) обнаружена трасса мощеной дороги, не совпадающей по направлению с улицей; её деревянные настилы (до 8 ярусов) возникли не позже XV в., но окружающий культурный слой датируется XII – началом XIII в. и насыщен стеклянными браслетами, шиферными пряслицами и другими характерными находками.

³⁵ Векслер А.Г. Раскопки на Великом Посаде. Теплые Торговые ряды. М., 2009.

Сектор археологии Москвы ИА РАН. Нельзя отрицать, что и простое присутствие археолога на строительной площадке может принести важные для истории находки³⁶. Но наиболее успешны, конечно, не просто длительные раскопки, а такие, при которых ученые ставят перед собой особую историческую проблему и сосредотачивают на ней внимание, исследуя конкретный объект. Это может быть территория (например, бывшее земельное владение, село, лес, парк и т. п.), поселение (замок, монастырь, городище), отдельная постройка (городской дом, дворец, храм), кладбище. Таких проектов у одного исследователя не бывает сразу много, но с годами они образуют логические цепочки, состоящие из достоверно установленных (иногда на первый взгляд очень мелких) фактов. Эти-то цепочки и меняют коренным образом представления о событиях, раскрывая нам не только факты, но и стоящие за ними вкусы, мысли, намерения (сейчас говорят: «мотивацию») людей прошлого.

В последние 30 лет такие цепочки образовали самые древние и тщательнее других изученные объекты. Огромную роль играло изучение Николаем Александровичем Кренке исторических урочищ, таких как парковые зоны Царицына, Коломенского и Дьякова с уже упоминавшимся городищем, а в центре города – участок Опричного дворца Ивана Грозного. Его раскопки прояснили одно из обширных белых пятен в исторической топографии Занеглименья с XII по XVII в.

Исследования (1996–2002 гг.) шли вблизи Моховой улицы, во дворах «старого здания» Московского университета, где в первой половине XVII в. находилась резиденция бояр Романовых (отсюда название проекта: «Романов двор»). Здесь был применен ряд новых для московской археологии методик: геохимические особенности слоя и палеоботанические остатки изучались с целью реконструкции экологической обстановки, была разработана опорная шкала изменений растительного «фона» Москвы начиная с XII в. В погребенной почве прослежены следы распашки XII – XIII вв., а подпечные ямы сгоревших построек сельского поселения дали типичные находки: обломки семилопастных височных колец, шиферные пряслица, стеклянные браслеты. Над уровнем XII в. залегали огромные кирпичные печи-очаги Опричного двора (1567–1584) и песчаная подсыпка его поверхности, описанная в средневековых текстах. К нему относились находки дорогих предметов быта: осколки стеклянных кубков, пороховница европейской работы из рога оленя с гравированным изображением воина-аристократа.

Сенсацией стало обнаружение остатков Нового дворцового денежного двора эпохи знаменитой денежной реформы и Медного бунта (1655–1663). Они дали массу сведений о производстве, обеспечивавшем важнейшую государственную функцию – чеканку денег. В слое пожара лежали остатки сгоревших построек, масса инструментов для ручной чеканки монет, заготовки и сами медные «копейки»; огромная масса мелких отходов монетного производства заставила пропустить весь слой через рамку металлоискателя. Яркую картину «медной лихорадки», когда продукция денежного двора расхищалась и утаивалась, несмотря на все предосторожности и запреты, рисуют находки на дворе многочисленных кладов. Открытие имело общероссийское значение – это единственный случай археологического изучения средневекового денежного двора.

Дальше всего в Москве археология смогла пока продвинуться в исследованиях монастырей, и открытия в этой области стали эталонными для всей России. Они готовились не менее 30 лет: до 1980-х гг. в русской науке просто не существовало такого направления и соответству-

³⁶ Например, плита Каспара Эльферфельдта – одного из «героев» мемуаров Генриха Штадена. Этот человек – искатель приключений поневоле. Ланддрост г. Петерсхаген (Вестфалия) и лицензиат права, он попал в плен в начале Ливонской войны и в Москве подвизался при царском дворе. Из-за конфликта со Штаденом был арестован, во время эпидемии чумы умер. Похоронивший его Штаден упомянул ряд деталей погребения, которые и подтвердились обнаружением надгробия (1989 г. МАЭ). Тем самым было определено место древнейшего некрополя иноземцев (вблизи Конской площадки в Замоскворечье: Beljaev L.A. 1991). Кроме того, укрепились доверие к мемуарам воина-опричника Штадена, правдивость которых долго вызывала сомнения.

ющей школы. Её пришлось создавать, причем, как часто бывает в археологии, по ходу самих исследований³⁷. Раскрытие остатков Казанского собора на Красной площади³⁸, многолетние раскопки в монастырях (Данилов³⁹, Богоявленский⁴⁰, Зачатьевский/Алексеевский и Высоко-Петровский)⁴¹. К ним следует добавить раскопки вокруг Вознесенской и Георгиевской церквей в Коломенском⁴². Эти комплексные работы, для которых требуется многоуровневый анализ целых групп источников, позволили приступить к глубокой и полной реконструкции истории сакрального пространства средневековой Москвы, первыми серьезными шагами к которому стали монографии о древних монастырях по данным археологии, об истории возникновения и движения престолов, их связи с историей города⁴³.

³⁷ Все работы – под руководством автора статьи; раскопки вокруг церквей в Коломенском – совместно с А.Г. Векслером.

³⁸ Одновременно на южной оконечности Красной площади, между началом Ильинки, Лобным местом и храмом Покрова на Рву, была изучена часть одного из первых в истории города общественных зданий XVII в., т. н. «Раската», давшего интересные материалы о быте горожан на пороге Нового времени (1989 г. МАЭ).

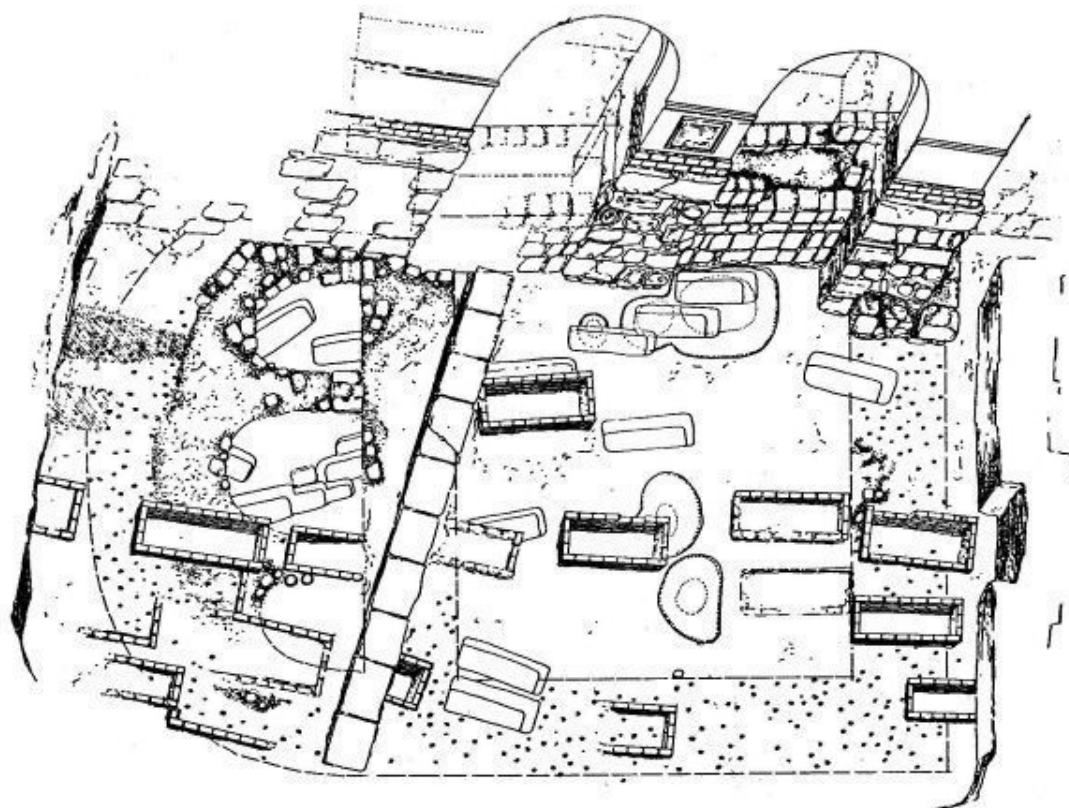
³⁹ Работа (1983–1989) в древнейшем московском монастыре, Данилове, дала серьезные результаты для источниковедения Москвы. Здесь были обнаружены остатки двух храмов середины XVI и XVII вв., а также более ранние и более поздние кладбища. Комплексный анализ письменных источников, иконографии и археологии представил линию жизни монастыря в XIII–XVIII вв., решив вопрос его происхождения, волновавший ученых ещё с XVIII в., если не раньше. На месте монастыря и вокруг него найдены отчётливые следы поселений конца X – XI вв., продолжавших существовать и в XII – XIII столетиях. Этим была поддержана традиционная дата основания монастыря (конец XIII в. – 1304 г.). Кроме того, на карте города появился, наконец, «куст» крупных поселений, возникших за 150–200 лет до строительства Кремля. Монастырь явно был основан в хорошо обжитой, экономически развитой местности, знакомой москвичам о времени заселения Москворечья славянами.

⁴⁰ Раскопки внутри собора Богоявленского монастыря в Китай-городе открыли (1985–1987) фундамент белокаменного четырёхстолпного собора, в середине XIV – начале XV в. – одного из первых, если не самого первого, каменного храма вне стен Кремля, стоявшего на месте кладбища XIII в. Среди находок оказались камни резанного арабесками фасадного фриза и с фресковой росписью раннемосковского стиля. Ранний некрополь дал серию редких надгробных плит XIII – XIV вв. с неизвестными декоративными композициями, не упомянутой письменными источниками, участок родового некрополя бояр Вельяминовых и Зубовых, а также остатки трапезной рубежа XV – XVI вв. Материалы работ заставили поднять проблему взаимной критики письменных и археологических источников. (Беляев Л.А. 1992. Беляев Л.А. 1994. С. 42–100.)

⁴¹ Работы в Высоко-Петровском монастыре решили многие старые вопросы по истории не только Москвы, но всей древнерусской архитектуры. Была составлена хронотопографическая шкала развития участка до начала XVIII в., позволившая расставить представления о возникновении обители до конца XIV в., обнаружить следы деревянного храма XIV–XV вв., изучить хорошо сохранившиеся участки некрополя. Важнейшим открытием в области истории архитектуры стала смена даты собороротонды Петра Митрополита с конца XVII на 1510-е гг. и отнесение его к кругу работ итальянских мастеров (Алевиз Фрязин). Высказанная архитектором Б.П. Дедушенко на основе реставрационных исследований эта смелая идея была подтверждена и развита в ходе раскопок 1983–1987 гг. (Беляев Л.А. 1994. С. 152–176.)

⁴² Фундаментальные археологические исследования сёл Коломенское и Дьяково начаты в 1970-х гг., то есть идут уже около 40 лет. Открыт ряд средневековых селищ, начиная с эпохи славянского проникновения (XI в.) и кончая эпохой Петра Великого, а также одно из ранних московских кладбищ конца XIII – начала XVI в. Полностью изученные зоны храмов начала 1530-х гг. открыли массу неожиданных и важных для истории русского зодчества деталей, подтвердили участие в строительстве итальянских архитекторов, а также позволили собрать эталонные по точности дат коллекции археологических материалов. Была также существенно уточнена планировка дворца царя Алексея Михайловича (1670-е), после чего стало возможным его воспроизведение в парковой зоне Дьякова.

⁴³ Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV вв.) по данным археологии. М., 1994; 2-е изд. 1995; 3-е изд. (электронное расширенное). М., 2010; Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.

Раскоп в Даниловом монастыре, 1984 г.

Заключение

Конечно, здесь названы только избранные проекты и находки – иначе и невозможно. Сейчас накоплены просто неисчислимые материалы, только учтенных точек археологических работ многие сотни. Органы охраны памятников Правительства Москвы утвердили археологические исследования в качестве столь же необходимой части производственного цикла, как, скажем, геологические или геодезические. Связанные с работой в культурном слое строители, инженеры, реставраторы уже воспринимают широкое участие археологов серьезно, как нормальную, «штатную» ситуацию. Археологи стоят перед вызовом: работать на необычно широких площадях и необычайно интенсивно. Это и хорошо, и плохо. Рамки заданы объективной реальностью, их определяет развитие мегаполиса, диктующее как размах, так и сжатость сроков. Дело ученых выработать такие методы исследований, которые позволят обратить даже минусы на пользу науки, использовать предлагаемые ситуацией ресурсы для решения фундаментальных проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.